

В сборник включены материалы выступлений преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие в IX Международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Конференция объединяет исследователей в сфере гуманитарных наук России, Китая и сопредельных стран.

Конференция посвящена актуальным проблемам развития и взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе. Во время работы конференции были рассмотрены вызывающие наибольшую актуальность вопросы развития и взаимодействия России и Китая в социально-экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах, а также в сфере современных международных отношений.

Многие проблемы, затронутые в представленных статьях, являются дискуссионными, вызывают неоднозначные оценки, но именно в этом и заключается основной характер конференции, как важного научного мероприятия, в рамках которого российские и китайские исследователи – представители академической и вузовской науки Российской Федерации и Китайской Народной Республики – могут обмениваться мнениями по ключевым проблемам развития и взаимодействия России и Китая.

РОССИЯ И КИТАЙ

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы международной
научно-практической конференции

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ХЭЙХЭСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАНЬКАЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ БГПУ
ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА «ИНТЕРПЛЮС»

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИМЕНИ А.М. ГОРЧАКОВА

**РОССИЯ И КИТАЙ:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Материалы IX международной
научно-практической конференции
(Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.).

Выпуск 9
Часть 4

Благовещенск
Издательство БГПУ
2019

Р 76 **РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА:** материалы IX международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Выпуск 9. Часть 4 / Отв. ред. А.В. Баранов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – 46 с.

Редакционная коллегия:

А.А. Барбарич, проректор по научной работе БГПУ;
Н.В. Кухаренко, директор Института Конфуция БГПУ;
Д.П. Волков, директор ЦСИКН Амурской области;
Д.П. Болотин, председатель Амурского отделения РИО;
С.В. Кухаренко, директор ИНДАТР;
О.А. Шеломихин, канд. ист. наук, доцент;
А.В. Друзяка, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Буяров, канд. филос. наук, доцент;
А.В. Баранов, канд. ист. наук, доцент;
И.Л. Григорьева, канд. филол. наук, доцент;
М.А. Иванова, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Кузнецов, канд. ист. наук, доцент;
А.А. Киреев, д-р ист. наук, профессор;
Н.В. Киреева, д-р филол. наук, профессор.

В сборник включены материалы выступлений преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие в IX научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Конференция объединяет исследователей в сфере гуманитарных наук России, Китая и сопредельных стран.

Конференция посвящена актуальным проблемам развития и взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе. Во время работы конференции были рассмотрены вызывающие наибольшую актуальность вопросы развития и взаимодействия России и Китая в социально-экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах, а также в сфере современных международных отношений.

Многие проблемы, затронутые в представленных статьях, являются дискуссионными, вызывают неоднозначные оценки, но именно в этом и заключается основной характер конференции как важного научного мероприятия, в рамках которого российские и китайские исследователи – представители академической и вузовской науки Российской Федерации и Китайской Народной Республики – могут обмениваться мнениями по ключевым проблемам развития и взаимодействия России и Китая.

Часть 4 включает материалы секции «Политическое развитие и взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики».

*Редакция не несет ответственности за точку зрения автора,
а также стилистическое оформление текста*

***Печатается по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического университета***

Выход сборника материалов конференции
приурочен
к 70-летию образования КНР,
70-летию установления российско-китайских
дипломатических отношений,
30-летию сотрудничества
Благовещенского государственного
педагогического университета
и
Хэйхэского университета

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И КНР

Арчаков Михаил Константинович, доктор политических наук, доцент
Кафедра всеобщей истории, философии и культурологии
Благовещенский государственный педагогический университет
vostok731@yandex.ru

РЕСУРСНАЯ БАЗА ИСЛАМСКИХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ДЕЙСТВУЮЩИХ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ КИТАЯ

УДК 323.28

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности формирования ресурсной базы исламских экстремистских организаций и ее влияние на рост активности экстремистов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.*

***Ключевые слова и фразы:** Китайская Народная Республика, Синьцзян-Уйгурский автономный район, экстремистские организации, насилие, радикализм.*

Michael Archakov, Doctor of political Sciences, Associate Professor
Department of General History, Philosophy and Cultural Science
Blagoveshchensk State Pedagogical University
vostok731@yandex.ru

THE RESOURCE BASE OF THE ISLAMIC EXTREMIST ORGANIZATIONS OPERATING IN THE XINJIANG UYGHUR AUTONOMOUS REGION OF CHINA

***Abstract.** The article discusses the features of the formation of the resource base of Islamic extremist organizations and its impact on the growth of extremist activity in the Xinjiang Uygur Autonomous region of China.*

Key words and phrases: People's Republic of China, Xinjiang Uygur Autonomous region, extremist organizations, violence, radicalism.

В последнее время проблема роста проявлений религиозно-политического экстремизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе является одной из наиболее актуальных для современного Китая. По мнению А.М. Кадиевой: «Религиозно-политический экстремизм – сложное и многоаспектное явление, имеющее множество политических, социальных, экономических, психологических и прочих особенностей, которые действуя в комплексе, обуславливают его масштабы и перспективы развития. Переводя религиозные, национальные и этнические вопросы в политическую плоскость, используя их в качестве инструмента, средства для разжигания конфликтов, экстремизм создает реальную угрозу безопасности китайского государства и общества» [2, с. 128].

Проявления экстремистской деятельности во многом зависят от состояния материально-технической базы, наличия необходимых ресурсов, главным образом постоянного притока финансовых средств. Ведь эффективность экстремистской деятельности на самом деле связана с наличием мощного финансирования, которым во многом определяется как «живучесть» (постоянный приток новых членов, обеспечение конспирации и т.п.) организации, так и способность ее к длительной борьбе с существующим политическим режимом. И здесь возможности у различных экстремистских организаций весьма неравнозначны.

Несомненно, своеобразным лидером в обеспеченности финансированием и предоставлением других ресурсов на сегодняшний день являются религиозно-политические экстремистские организации исламской направленности, ячейки и группировки которых действуют в том числе и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (например, ячейки ИГИЛ, бывшей «Джебхат-ан-Нусра», ИДВТ – запрещены на территории РФ). Так, отличительной особенностью данных исламских экстремистских организаций является практика создания и финансирования их из-за рубежа различными филиалами международных просветительских, благотворительных, культурных организаций, которые служат легальным прикрытием для экстремистской деятельности.

В конце 1990-х начале 2000-х гг. на территории СУАР пытались действовать такие филиалы международных организаций, как Международная исламская организация «Спасение», «Лашкар Тайба», «Аль-Хайрия», «Аль-Харамейн», финансируемые и направляемые Саудовской Аравией, Пакистаном, Кувейтом и др. Основными уставными целями данных филиалов провозглашались: религиозное обучение; просвещение; осуществление благотворительности и оказание социальной помощи. Однако, по мнению К.Ф. Ханбабаева: «На самом деле представители этих организаций активно занимались: пропагандой панисламистских идей, нацеленных на создание исламского государства; созданием местных фундаменталистских организаций экстремистского толка; проведением боевой подготовки для членов экстремистских группировок; оказанием местным экстремистским сообществам финансовой и иной помощи» [4, с. 107]. За активную поддержку исламских экстремистских группировок в регионе деятельность этих филиалов была прекращена правоохранительными органами Китая.

В то же время необходимо отметить, что за зарубежными исламистскими организациями, финансирующими боевиков на территории СУАР, просматриваются геополитические интересы как исламских государств, так и некоторых западных держав. Как отмечает Р. Мамараев: «Для них была характерна практически открытая пропаганда панисламистских идей, объединения всех мусульман и создания в регионе исламского государства» [3, с. 22]. Поэтому их спецслужбы и неправительственные организации стремились обеспечить благоприятные условия для воздействия на развитие политической ситуации в СУАР с целью ее дестабилизации и максимального извлечения определенных экономических, политических и прочих выгод.

Помимо хорошо отлаженных финансовых потоков исламистские экстремистские организации получают и другую разностороннюю помощь, например: обеспечение современными

ми системами мобильной связи, создание тайников с оружием и взрывчаткой; поддержание работы Интернет-сайтов (зарегистрированы за рубежом); развитие собственных СМИ, главным образом так называемых «независимых информагентств» в сети Интернет (например, Дабик, Джамаат Такбир, Гураба и т.п.); обеспечение необходимой пропагандистской литературой и т.д. Так, по мнению Р.Я. Эммануилова: «В СУАР активно распространяются ваххабитские произведения таких авторов, как Мухаммад Зину, Салих Ф. Аль-Фаузан, Саид Кутб, Фатхи Якан и т.д. В данных произведениях содержатся неприкрытые призывы к свержению конституционного строя, ведению джихада против неверных, главным образом, представителей органов власти, правоохранительных структур, других конфессий, а также высказываются идеи о введении на территории СУАР шариатского правления и создания единого мусульманского государства» [5. с. 252]. Таким образом, деятельность исламских религиозно-политических экстремистских организаций хорошо финансируется, поддерживается и направляется представителями различных просветительских, благотворительных и прочих филиалов международных организаций.

На наш взгляд, «рост активности и материально-технической обеспеченности исламских экстремистских организаций в СУАР объясняется следующими причинами:

1. Почти все исламские экстремистские организации с момента своего создания ориентированы идеологами и лидерами на вооруженную борьбу против существующего политического строя в Китае. Эта нацеленность на использование различных видов насилия изначально придает исламистским организациям непримиримость, отсутствие стремления к компромиссам, готовность использовать абсолютно любые средства для достижения поставленных целей. Поэтому для исламистских организаций основным способом борьбы выступает ведение партизанской войны со всеми ее проявлениями: терроризм, боестолкновения с регулярными войсками, расстрелы политических противников и т.д. Нацеленность на ведение войны позволяет исламистским группировкам тщательным образом подходить к вопросу обеспечения экстремистской деятельности, подбору кадров (как минимум имеющих опыт службы в армии), а также находить долговременные источники финансирования.

2. В создании исламских экстремистских группировок для дестабилизации ситуации в СУАР особую роль играют эмиссары различных международных организаций, фондов, обществ, за которыми стоят интересы США и некоторых исламских государств – Саудовской Аравии, Пакистана, Катара. Отдельные представители радикальных политических кругов данных государств прямо заинтересованы в отделении Синьцзян-Уйгурского автономного района от Китая с целью создания марионеточного и подконтрольного исламского государства на этих территориях. Отсюда организационная и финансовая помощь религиозно-политическим экстремистам в СУАР, ведущаяся по линии деятельности всевозможных благотворительных, просветительских, учебных филиалов различных международных организаций.

3. Серьезное преимущество дает исламским экстремистским организациям участие в их деятельности людей, имеющих солидный опыт участия в боевых действиях (Афганистан, Ливан, Сирия, Чечня и т.д.), а также опыт организации снабжения, создания лагерей подготовки боевиков, планирования и руководства осуществлением террористических акций» [1, с. 59].

В связи с этим исламские экстремистские организации, действующие в СУАР, имеют, как правило, хорошо отлаженную структуру, развитую систему связи, обеспеченность оружием, снаряжением, транспортом, а также поддержку как части представителей местного населения, так и из-за рубежа. Это позволяет им вести продолжительную борьбу против конституционного строя КНР, несмотря на периодически проводящиеся центральными и местными властями «контртеррористические операции» на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Арчаков М.К. Современные тенденции развития оргструктур исламских экстремистских организаций // Наука Красноярья.– 2017. – Том 6. – № 3-2. – С. 55– 61.
2. Кадиева А.М. К вопросу о сущности религиозного экстремизма // Религиоведение. – 2007. – № 4. – С. 127-137.
3. Мамараев Р. Угроза «талибанизации» Северного Кавказа // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 11. – С. 19-27.
4. Ханбабаев К.Ф. Исламский радикализм на Северном Кавказе // Свободная мысль. – XXI. – 2007. – № 3. – С. 102-109.
5. Эммануилов Р.Я. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. – М.: Мосты культуры, 2011. – 423 с.

Ахмадова Марьям Абдурахмановна, аспирант
кафедры гражданского права и процесса и международного частного права
Российский университет дружбы народов
4ernijkvadrat95@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ: ОПЫТ КИТАЯ И РОССИИ

УДК 347, 616

Аннотация. Статья в правовом ракурсе освещает с позиции современности некоторые грани сотрудничества в сфере биомедицинских технологий России и Китая. За основу взята объективная потребность населения двух стран в донорском материале. В фокусе авторского внимания проблемные моменты правового регулирования медицинской деятельности по трансплантации органов. Акцентируется внимание на изучении международно-правовых источников, закрепляющих базовые принципы регулирования исследуемых правоотношений в рамках национального законодательства. При исследовании использовались такие методы научного познания, как общенаучный диалектический, исторический, сравнительно-правовой анализ. Одновременно автор исходит из субъективно-объективной заданности процессов и явлений и их взаимосвязанности. Делается вывод о том, что действующее законодательство о трансплантации России не в полной мере адекватно соответствует правоотношениям в рассматриваемой сфере, что детерминирует необходимость в формировании нового правового ландшафта в данной области, и в этом направлении вполне можно использовать опыт китайского законодателя.

Ключевые слова и фразы: сотрудничество в сфере биомедицины, Россия, Китай, трансплантология, «презумпция согласия», «презумпция несогласия», донорство, Всемирная организация здравоохранения, лист ожидания, информационная система распределения органов и (или) тканей.

Maryam Akhmadova, postgraduate
Departments of civil law and process and international private law
Peoples' Friendship University of Russia
4ernijkvadrat95@gmail.com

LEGAL REGULATION IN THE SPHERE OF TRANSPLANTOLOGY: THE EXPERIENCE OF CHINA AND RUSSIA

Abstract. The article in the legal perspective covers from the position of modernity some facets of cooperation in the field of biomedical technologies in Russia and China. The objective is the objective need of the population of the two countries for donor material. The author focuses on the problem points of the legal regulation of medical organ transplants. The attention is focused on the study of international legal sources, enshrining the basic principles of regulation of the studied legal relations in the framework of national legislation. The study used such methods of scientific knowledge as: general scientific dialectic, historical, comparative legal analysis. At the same time, the author proceeds from the subjective-objective assignment of processes and phenomena, and their interconnectedness. It is concluded that the current legislation on the transplantation of Russia does not fully correspond to the legal relations in this area, which determines the need for the formation of a new legal landscape in this area and it is quite possible to use the experience of the Chinese legislator in this direction.

Key words and phrases: *cooperation in the field of biomedicine, Russia, China, transplantology, “presumption of consent”, “presumption of disagreement”, donation, World Health Organization, waiting list, information system for distribution of organs and (or) tissues.*

Статья подготовлена в ходе работы по гранту РФФИ 2018 г. на тему «Научная информация в орбите содержания, форм и проблем охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности (сравнение на примере стран БРИКС)» (проект 18-29-15030 мк, грантополучатель и научн. рук. – д.ю.н., проф. Беликова К.М.).

Медицина все время находится в состоянии перманентного развития, ведутся поиски более эффективных средств и методов лечения, что обусловлено в первую очередь потребностями практического здравоохранения. Современный уровень развития медицины позволяет проводить сложнейшие оперативные вмешательства. Так, одним из стратегически важных и высокотехнологичных методов лечения является трансплантация органов, представляющая собой изъятие (эксплантация) органа у донора и его пересадка (имплантация) в организм реципиента [17]. Трансплантация, таким образом, является «спасательным кругом», позволяющим улучшить здоровье и спасти жизнь пациентов с терминальными проявлениями заболевания.

В условиях стремительного развития биомедицинских технологий, катастрофического дефицита донорского материала и высоких экономических затрат на поддержание жизни пациентов за счет экстракорпоральных методов детоксикации становится необходимым наличие рационального законодательного регулирования проблемных вопросов в области трансплантологии. Вместе с тем следует отметить, что трансплантология сопровождается большим количеством проблемных этических вопросов, нуждающихся как в юридическом, так и в моральном осмыслении [6].

По сей день ни в одной стране мира не удастся полностью реализовать потребности по количеству необходимых трансплантационных операций. Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) отмечает, что на данном этапе развития клинической медицины во всем мире выполняется лишь 10% операций по трансплантации органов и тканей от необходимого общего количества [2]. Как уже было отмечено, возможности данной области медицины крайне слабо реализуются, главным образом вследствие выраженного дефицита донорских органов, которые зачастую имеют юридическую подоплеку. Такая проблема остро стоит не только в России, но и во всех странах мира, хотя в нашей стране статистические данные по количеству трансплантаций в разы уступают показателям развитых европейских стран. Согласно некоторым отечественным экспертным оценкам, потребность пациентов в трансплантации органов в нашей стране удовлетворяется лишь для десятой части таковых [40].

Представляется, что отечественному законодателю в рамках поиска эффективной правовой модели регулирования ряда спорных вопросов, призванной наилучшим образом обеспечить баланс между правами человека и одновременно решением проблемы недостатка донорских органов, необходимо проводить исследование аспектов правовой регламентации в сфере трансплантологии в сравнительно-правовом контексте, поскольку различные национальные правовые системы активно занимаются аналогичными вопросами. Приверженность такому подходу находит отражение и в Концепции о государственной политике Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества [24], где к одной из ключевых задач относится расширение сотрудничества с новыми индустриальными государствами (Китай, Индия и пр.) по фундаментальным и прикладным проблемам, в том числе и в сфере биотехнологий (п. 2.1.). Вышесказанное свидетельствует об особой актуальности обозначенной темы.

На наш взгляд, по ряду причин наибольший интерес в обозначенном русле вызывает изучение опыта страны, которая развивается на востоке чрезвычайно быстрыми темпами, – Китая. Так, во-первых, современные экономические реалии, вызванные санкционной поли-

тикой стран Западной Европы и США в отношении России, обуславливают переориентацию внешней политики нашей страны в сторону Востока [31], где Китай приобретает статус стратегического партнера. Во-вторых, основа международно-правовой базы такого сотрудничества между двумя странами уже заложена.

В частности, известно, что Китай и Россия являются участниками экономического блока БРИКС. В свою очередь, участие Российской Федерации в этом объединении осуществляется в разных направлениях, что получило закрепление в Концепции участия РФ в объединении БРИКС от 9 февраля 2013 года [15]. Одним из таких направлений является сотрудничество в сфере науки, техники и инноваций, где также отмечается, что поощряются исследования в области биотехнологий и медицины (п. 23), которые получили дополнительный импульс к развитию после опубликования Кейптаунской декларации (2014 г.), подтвердившей (в лице министров науки и технологий) заинтересованность стран БРИКС в осуществлении совместных исследований в научной, технологической и инновационной деятельности [11].

Этой Декларацией признается ведущая роль науки как неотъемлемой части мягкой дипломатии, и выделяются в качестве ключевых отраслей взаимодействия в числе прочих медицинские технологии и биотехнологии.

Аналогичный подход воспринят и на двустороннем уровне сотрудничества двух стран, где центральным документом выступает «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о научно-техническом сотрудничестве» (Пекин, 18.12.1992) [25]. Согласно положениям данного соглашения сотрудничество между двумя странами в области науки и техники должно в долгосрочной перспективе укрепляться на основе принципов равенства и взаимной выгоды.

В 2012 году был подписан «Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством науки и техники Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области реализации совместных проектов по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники» [18]. Поименованный меморандум был подготовлен в соответствии с решениями и рекомендациями XV заседания Российско-Китайской подкомиссии по научно-техническому сотрудничеству, в котором стороны выразили намерение проводить отбор совместных проектов научно-исследовательских работ по ряду приоритетных направлений развития науки, в том числе в сфере *индустрии наносистем и материалов, науки о жизни* (п. 2).

Рассмотренный комплекс документов доктринального, программно-стратегического характера, на наш взгляд, закладывает основательный фундамент для научного сотрудничества между двумя странами в области биомедицины.

В общей структуре исследования выделяются несколько основных проблем, находящихся в разных вариантах разрешения в современном мире (в том числе на уровне России и КНР): во-первых, определение порядка волеизъявления лиц при производстве трансплантации органов и (или) тканей человека, в том числе проблемы презумпции согласия при посмертном донорстве; во-вторых, изучение механизма распределения органов и (или) тканей между реципиентами.

Правовую базу для регулирования вопросов, связанных с донорством и трансплантацией, заложила 39-я Всемирная медицинская ассамблея в 1987 г., принявшая Декларацию о трансплантации человеческих органов [34]. Поименованная декларация является первым международным документом, рекомендательные принципы которого обращены к врачам, осуществляющим пересадку органов человека.

В свою очередь, первым международным юридически обязательным документом в области трансплантологии, который наиболее содержательным образом регламентирует эту сферу деятельности, является Конвенция о правах человека и биомедицине, принятая в 1997 году Советом Европы (далее – Конвенция Овьедо) [13]. Ее положения были конкретизированы Дополнительными протоколами, детализирующими их (напр., Протоколом о трансплантации органов и тканей человеческого происхождения, Дополнительный протокол) [5]. Стороны, ратифицировавшие Конвенцию Овьедо, обязаны обеспечить должную юридическую

защиту выполнения прав и принципов, изложенных в документе, однако к числу таковых не относятся Россия и КНР. Вместе с тем указанные документы имеют колоссальное значение, поскольку их положения о донорстве и трансплантации (напр., положения о правах донора и реципиента и пр.) были имплементированы законодательством тех государств, которые не ратифицировали эти правовые документы [1].

Важное правовое значение имеют документы, принимаемые Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), Всемирной медицинской ассоциацией (ВМА) и Международным трансплантологическим обществом, которые имеют рекомендательную силу, однако широко используются государствами при осуществлении нормотворческой деятельности и в правоприменительной практике судов [39]. Так, например, в деле *Sergey Denisov v. Russia* [41] Европейский суд по правам человека в одном из пунктов своего Постановления ссылается на резолюцию ВОЗ.

В настоящее время в числе наиболее важных документов можно выделить Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, действующие в редакции 2010 г. (Резолюция WHA63.22 [37]).

Обратимся теперь к национально-правовому регулированию исследуемых правоотношений в РФ и КНР. Нормативно-правовая база, регулирующая отношения, складывающиеся по поводу донорства и трансплантации органов и тканей человека, в России появилась лишь в 1992 году, а до этого инструменты правового регулирования были крайне несовершенными и носили фрагментарный характер, что резко тормозило темпы развития данной отрасли медицины [12].

На сегодняшний день в России донорство и трансплантация человеческих органов и тканей регулируются следующими законодательными актами: 1) Конституция Российской Федерации, которая закрепляет право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41) [14]; 2) Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [30]; 3) Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [8], который в течение своей более чем двадцатилетней истории почти не подвергался значимым изменениям; 4) Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [29].

Несмотря на регулярную модернизацию нормативных актов, регулирующих отношения в здравоохранении и имеющих общий характер, в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации неоднократно вносился новый законопроект «О трансплантации органов и (или) тканей человека», подготовленный профильным министерством. Принятие закона так и не состоялось до сих пор, однако этот вопрос не снят с повестки дня ГД ФС РФ.

В Китае начало правовому регулированию сферы трансплантологии было заложено принятием Временных правил об использовании тела или органов казненных преступников 1984 г. (*Interim Rules on Using the Body or Organs of Executed Criminals*, 1984), что на фоне открытия действия препарата «циклоспарин-А», подавляющий реакцию отторжения чужеродных органов, вызвало бум торговли органами человека, которые брались для трансплантации у казненных осужденных. Поскольку Правила 1984 г. оставались единственным законодательным актом в исследуемой сфере на протяжении двух десятилетий, то местные органы власти постепенно начали выработать локальные акты, например, «Правила посмертного донорства» (*Regulations on Human Cadaver Donation*) или «Правила донорства органов человека для трансплантации» (*Regulations on Human Organ Donation for Transplant*) [35]. Такая практика сохранялась до обнародования Министерством здравоохранения в 2006 г. «Временного положения о клиническом применении и управлении трансплантацией органов человека» (*Interim Provisions on Administration of Clinical Application of Human Organ Transplant Technology*, 2006). Через год Государственный совет выпустил «Положение о трансплантации органов человека 2007 года» (*Regulations on Human Organ Transplant*, 2007 [27]), которое запрещает торговлю органами и изъятие органов человека без его предварительного письменного согласия.

Правила 2007 г. обладают высшей юридической силой по отношению ко всем вышеперечисленным нормативно-правовым актам, регламентирующим в разном объеме исследуемую сферу правоотношений.

Кроме того, в целях борьбы с трансплантационным туризмом в Китае Министерство здравоохранения также подготовило и обнародовало в июле 2007 г. уведомление, которое в соответствии со Стамбульской декларацией о трансплантационном туризме и торговле органами 2008 г. [28] закрепляет принцип приоритета в получении органов за китайскими гражданами в виду глобального дефицита донорских органов.

Подобная реформа законодательства в сфере трансплантологии в Китае с целью имплементации в него основных международных принципов и стандартов была проведена под давлением международных правительственных и неправительственных организаций (напр., ВОЗ, ВМА, Международный комитет Красного Креста и пр.), резко осуждавших практику китайских врачей по изыманию органов заключенных, приговоренных к смертной казни уголовными судами, для их последующей трансплантации.

Посмертное донорство

Известно, что посмертное донорство является главным источником донорских органов и тканей во всех странах мира. Международно-правовые акты (Конвенция Овьедо и ее Дополнительный протокол, руководящие принципы ВОЗ и ВМА) закрепляют невозможность удаления органов и тканей из тел умерших людей при отсутствии их согласия или разрешения, выданных в соответствии с порядком, закрепленном в национальном законодательстве, и что подобное удаление не вправе быть осуществлено при том, что известно свидетелям прижизненное возражение против этого данного лица.

На данный момент действуют две презумпции – согласия и несогласия относительно такого рода донорства [26]. Первая (Швеция, США, Португалия, Дания, Канада, Германия, Австралия и др.) предполагает наличие документа, подтверждающего волеизъявление человека (или его кровных родственников после его смерти), данное при жизни, - на посмертное донорство. Вторая (Чехия, Финляндия, Норвегия, Испания, Венгрия, Австрия и др.) предполагает отсутствие прижизненного возражения (умершего или его родственников на забор донорского материала).

Порядок волеизъявления лица на посмертное донорство в Китае отражен во второй главе вышеупомянутых Правил 2007 г. и он полностью идентичен для процедуры выражения согласия человека на прижизненное донорство. В этой связи рассмотрим более подробно подход китайского законодателя в следующем разделе статьи и обратимся к отечественной практике.

В РФ ст. 8 Закона о трансплантации, по сути, закрепляет принцип *«презумпции согласия»* на посмертное изъятие органов (тканей) у умерших, поскольку в ней фиксируется, что такое изъятие недопустимо только, если в медучреждении на момент необходимого проведения изъятия имеется несогласие на этот акт от самого умершего либо его родственников. Однако, положения ст. 5 Закона о погребении, говоря о достойном отношении к телу умершего, признают правомерными только устные (выраженные при свидетелях) или письменные пожелания умершего относительно посмертного изъятия его органов (тканей), что по факту означает наличие *«презумпции несогласия»*. Существующая коллизия между приведенными законами приводит к отсутствию единого мнения о правомерности посмертного изъятия органов и тканей для последующей их трансплантации. Преодолеть сложившуюся правовую трудность юридическая доктрина, с одной стороны, предлагает путем закрепления в Законе о трансплантации презумпции несогласия на посмертное изъятие органов у человека [16], с другой - констатирует несвоевременность такого установления [3].

Существует и иная позиция по этому вопросу. Так, Л.В. Осипова и Е.В. Юдин предлагают исходить из предмета указанных законодательных актов. Такой подход, по мнению ученых, позволяет им сделать вывод о том, что за Законом о трансплантации органов и (или) тканей человека и в целом за законодательством о здравоохранении должен быть признан приоритет перед законодательством о похоронном деле, которое не вправе вмешиваться в

жизненно важные вопросы [20]. В указанном контексте необходимо принимать во внимание также правовую позицию Конституционного Суда (КС) РФ, который по запросу Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда определял, соответствует ли Конституции ст. 8 Закона о трансплантации [19]. Принятое решение по этому вопросу КС сформулировал следующим образом: «Презумпция согласия базируется, с одной стороны, на признании негуманным задавать родственникам практически одновременно с сообщением о смерти близкого человека либо непосредственно перед операцией или иными мероприятиями лечебного характера вопрос об изъятии его органов (тканей), а с другой стороны, на предположении, обоснованном фактическим состоянием медицины в стране, что на современном этапе развития трансплантологии невозможно обеспечить выяснение воли указанных лиц после кончины человека в сроки, обеспечивающие сохранность трансплантата... Кроме того, российское законодательство не препятствует гражданам зафиксировать в той или иной форме (в том числе нотариальной) и довести до сведения учреждения здравоохранения свое несогласие на изъятие у них органов и (или) тканей после смерти в целях трансплантации, причем нарушение соответствующего волеизъявления влечет наступление юридической ответственности» [19].

Так нами выявлено, что в России концепция презумпции согласия на изъятие органов для трансплантации пока не находит однозначного решения ни в доктрине, ни на практике.

Прижизненное донорство

Международно-правовые документы (напр., Конвенция Овьедо, Руководящие принципы ВОЗ и пр.) в отношении порядка волеизъявления согласия на трансплантацию органов со стороны живых доноров, позволяют сформулировать три общих принципа, а именно: 1) орган или ткани для трансплантации изъять у живого человека возможно только при наличии явного, свободного, информированного и осознанного согласия лица на донорство; 2) согласие обязательно должно быть дано в письменной форме; 3) согласие может быть свободно отозвано в любое время.

Кроме того, национальное законодательство большинства стран использует правовые инструменты (ограничения), позволяющие гарантировать добровольное согласие живого человека быть донором. В первую очередь такие ограничения относятся к степени родства потенциального донора и предполагаемого реципиента. К примеру, все европейские страны разрешают донорство от живого человека только для близких (супругам) и генетических (отец, мать – дети) родственников, однако в относительно необходимой степени родства государствами воспринимаются различные подходы. В свою очередь в некоторых странах допускается донорство от живого человека в отношении лиц, с которыми у него установлены только близкие личные и эмоциональные отношения (напр., Германия) [1].

В соответствии со ст. 11 Закона о трансплантации органов прижизненное донорство допускается лишь от кровных родственников, достигших 18-летнего возраста (родители, братья и сестры), для генетически кровного родственника (с юридически доказанным кровным родством), страдающего терминальной стадией патологии печени или почек.

Статистические данные установили, что показатели прижизненного донорства мизерны и удовлетворяют лишь малую долю имеющихся потребностей реципиентов в трансплантации органов. Ярким примером тому являются данные, согласно которым в России в 2016 году доля прижизненной трансплантации почек составила всего 21,4% от общего числа, а в 2015 году – 20,1% [4].

Выходом из сложившейся ситуации является так называемое «эмоциональное донорство», когда реципиентом органа выступает человек, с которым у донора нет генетического родства, однако оно не нашло практического применения на территории Российской Федерации. По мнению отечественного законодателя, правовое поле не готово к таким переменам, поскольку разрешение «эмоционального донорства» может привести к развитию «черного донорства», то есть злоупотреблению и принуждению в этой области.

Прежде чем перейти к вопросу о порядке волеизъявления лиц при производстве трансплантации органов в КНР, необходимо отметить, что китайский законодатель допускает

прижизненное донорство не только генетическое (как в России), но и «эмоциональное». Так, анализ второй главы Правил 2007 г. позволяет определить следующие требования к процедуре волеизъявления человека на посмертное и прижизненное донорство (ст. 8). Во-первых, гражданин должен быть полностью дееспособным. Во-вторых, потенциальный донор должен выразить свое согласие в письменной форме, чтобы исключить любые спорные моменты. При этом данное согласие может быть отозвано в любое время.

Таким образом, китайский законодатель воспринял модель «презумпции несогласия», однако воспринял он ее с определённой спецификой, поскольку во второй части указанной ст. 8 находит закрепление альтернативная форма выражения согласия на посмертную трансплантацию органов гражданина. Так, в случае отсутствия прижизненного возражения человека (в письменной форме) на трансплантацию органов родственники умершего (совершеннолетние дети и родители) могут прийти к письменному консенсусу и пожертвовать органы умершего родственника. Если вышеупомянутые родственники покойного имеют разногласия по этому вопросу, то такое жертвование является невозможным [38].

При прижизненном донорстве реципиентом может быть супруг или генетический родственник до третьей степени (прадед – правнуки). При «эмоциональном донорстве» (напр., друг больного) для выполнения операции по пересадке органа от донора реципиенту должны быть представлены доказательства, свидетельствующие о том, что между реципиентом и донором установлено такое «родство» (ст. 10).

Национальная система распределения донорских органов, реестр пациентов и регистрации заявлений

Правоприменительная практика выявила основные недостатки механизма правового регулирования сферы трансплантологии, которые препятствуют развитию одной из стратегически важных отраслей клинической медицины.

К числу таковых в России относится отсутствие механизмов, позволяющих реализовать конституционное право граждан запретить посмертное изъятие их органов и тканей. Это выражается как в неопределенности порядка, каким следует выразить и закрепить (зафиксировать) прижизненное несогласие гражданина на это действие после его смерти, так и в отсутствии государственного органа, который производил бы учет решений граждан РФ относительно посмертного изъятия у них (их родственников) органов (тканей). Отсутствие необходимого механизма правового регулирования предлагается восполнить, обязав Минздрав РФ создать и вести единый общероссийский государственный реестр волеизъявлений граждан РФ относительно посмертного изъятия у них органов и (или) тканей [7]. Руководство КНР, которое столкнулось с аналогичной проблемой, пошло именно по такому пути и запустило в 2014 свои официальные веб-сайты регистрации донорства органов «www.savelifelife.org.cn» или «www.rcscod.cn». Регистрация в этих системах осуществляется медленными темпами, несмотря на всестороннюю пропаганду со стороны государства, поскольку граждан беспокоят перспективы оказания качественной медицинской помощи при их обращении в лечебные учреждения, если они при жизни выразят согласие на посмертное донорство [33]. Такие страхи вполне обоснованно присущи и нашему населению. Вместе с тем эти риски можно минимизировать путем строгого ограничения набора пользователей, имеющих доступ к данной информации, что обращает нас к актуальным вопросам информационного права России и Китая.

Развитие трансплантологии в РФ тормозится из-за отсутствия в стране единых реестров, содержащих перечень требуемых к пересадке органов и нуждающихся в этом людей. Одновременно отсутствуют критерии, позволяющие распределять донорские органы справедливо и понятно. За рубежом эта проблема решается с помощью единого листа ожиданий донорского органа, в который занесен иммунологический код каждого человека, кому необходима пересадка органа. При одновременной необходимости определенного органа несколькими людьми, приоритет следует отдавать тому, у кого состояние здоровья не допускает дальнейшего ожидания [10]. По-видимому, подобная практика будет способствовать более эффективному развитию трансплантологии и РФ.

В РФ национальной системы распределения донорских органов нет. Частично данные функции выполняет единственное в России подразделение в такой форме – Московский координационный центр органного донорства (МЦКОД). Выездная бригада МКЦОД постоянно располагается на базе ГБУЗ ГКБ им. С.П. Боткина и работает в круглосуточном режиме [22]. Органы, предназначенные для пересадки, подлежат распределению среди пациентов, которые занесены в листы ожидания трансплантации трупного органа и (или) ткани, ведением которого занимается врач медицинской организации, осуществляющей трансплантацию [23]. При этом критериями получения органа служат и время ожидания пациента, и такие медицинские показатели, как совместимость с донорским органом, например, по группе крови, иммунологическим характеристикам и пр.

Правовая основа созданию национальной информационной системы распределения донорских органов в Китае была заложена в ст. 6 Правил 2007 г., однако длительное время это положение носило декларативный характер. Практическая реализация ст. 6 стала возможным только после вступления в юридическую силу 1 сентября 2013 г. Положения о получении и распределении человеческих органов (Provisions on Human Organ Procurement and Allocation). Положение 2013 г. устанавливает, что запись о каждом донорском органе в стране должна быть введена в единую «Китайскую информационную систему реагирования на трансплантацию органов» (China Organ Transplant Response Systems – CORS [21]) для справедливого распределения донорских органов между реципиентами [42]. Кроме того, по рекомендации Национального конгресса врачей-трансплантологов Китая были созданы еще две информационные базы, в которых должны регистрироваться обязательно все хирурги-трансплантологи (China Organ Transplant Surgeon Registration System) и координаторы (Human Organ Donation Coordinator Registration System), что также способствует прозрачности всего процесса.

Законодатель устанавливает строгий запрет на выполнение операций по трансплантации органов и (или) тканей человека в обход информационной системы COTRS [36], нарушение влечет за собой отзыв лицензии врача и подлежит уголовной ответственности в соответствии с Поправкой VIII в Уголовное законодательство КНР [32].

На основании выполненной исследовательской работы можно сделать вывод о том, что несовершенства и коллизии в правовом ландшафте, регулирующем сферу донорства и трансплантацию органов и тканей человека на территории России, являются крайне существенными и должны быть устранены. На наш взгляд, разработка мероприятий, позволяющих решить обозначенные недостатки механизма регулирования отношений в сфере трансплантологии, должна вестись по следующим направлениям: 1) разработка и принятие нового закона, отвечающего международным стандартам; 2) создание информационных систем, способных объективно и прозрачно распределять донорские органы и фиксировать волеизъявления граждан по вопросу посмертного донорства. В этом направлении мы вполне можем использовать китайский опыт, некоторые аспекты которого обозначены в данной работе.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Ван Аш К. Свободное и информированное согласие в области трансплантации органов и тканей человеческого происхождения // Прецеденты Европейского суда по правам человека. – 2018. – № 3. – С. 57-63.
2. Василевич Д.Г. Трансплантация органов и тканей человека. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2017. – № 13. – С. 105-113.
3. Головистикова А. Трансплантация - средство спасения жизни и восстановления здоровья // Адвокат. – 2004. – № 6. – С. 3-5.
4. Готье С.В., Мойсюк Я.Г., Хомяков С.М. Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации в 2014 году (VII сообщение регистра Российского трансплантологиче-

- ского общества). // Вестник трансплантологии искусственных органов. – 2015. – Т. XVII. – № 2. – С. 7-22.
5. Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения (ETS N 186) (Подписан в г. Страсбурге 24.01.2002) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 18.02.2019).
 6. Дронова С.А. Защита прав и достоинства человека при донорстве органов и их трансплантации: сравнительно-правовой подход // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 4. – С.66.
 7. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. Проблемы реализации конституционного права человека на отказ от трансплантации его органов и тканей: конституционно-правовое исследование // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 1. – С. 32-37.
 8. Закон Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692 (дата обращения: 30.02.2019).
 9. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета. – 1993. – № 4.
 10. Каабак М. Детская трансплантология держится на энтузиазме. URL: <http://www.aif.ru/health/children/30457> (дата обращения: 19.02.2019).
 11. Кан М. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10. – № 2. – С. 140.
 12. Козьякова Н.С. Правовое регулирование трансплантации органного донорства в России и зарубежных странах (Компаративный анализ). // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2017. – № 3. – С. 99-114.
 13. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS N 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 27.11.2008) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.02.2019).
 14. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 449; 2014. – № 31. – Ст. 4398.
 15. Концепция участия РФ в объединении БРИКС. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/117686 (дата обращения: 17.02.2019 г.).
 16. Малеина М.Н. Право индивида на телесную (физическую) неприкосновенность // Государство и право. – 1993. – № 4. – С. 96-107.
 17. Маляева, Е.О., Колосова, В.И., Маляев, К.В. Уголовно-правовые проблемы медицины. – Нижний Новгород, 2014. – 420с.
 18. Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством науки и техники Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области реализации совместных проектов по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники (подписан в г. Москве 6 декабря 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2019).
 19. Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации “О трансплантации органов и (или) тканей человека”» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 3 (СПС «КонсультантПлюс»).
 20. Осипова Л.В., Юдин Е.В. Трансплантация органов (тканей) человека в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Медицинское право. – 2016. – № 3. – С. 34-38.
 21. Подробнее см. по адресу <http://www.cot.org.cn> (дата обращения: 19.02.2019).

22. Приказ Департамента здравоохранения города Москвы от 19 октября 2017 г. № 737 «Об организации медицинской деятельности, связанной с донорством органов человека и оказанием медицинской помощи по профилю «хирургия» (трансплантация органов и тканей человека) в городе Москве». URL: <http://www.mos.ru> (дата обращения: 19.10.2017).
23. Приказ Минздрава России от 31.10.2012 N 567н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю "хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)». // Российская газета. – Спецвыпуск № 78/1 от 11.04.2013.
24. Приказ Миннауки РФ от 04.02.2000 № 25 «О Концепции государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=288915#012975422126106162> (дата обращения: 17.02.2019).
25. Сборник российско-китайских договоров. 1949-1999. – М.: Терра-Спорт, 1999. – С. 178-180.
26. Сергеев Ю.Д., Поспелова С.И. Правовые аспекты посмертного донорства: современное состояние и проблемы регулирования // Медицинское право. – 2006. – № 2. – С. 3-9.
27. См. по адресу http://www.chinadaily.com.cn/m/chinahealth/201406/05/content_17566177_2.htm (дата обращения: 19.02.2019).
28. Стамбульская декларация о трансплантационном туризме и торговле органами 2008 г. URL: http://rosatco.org/wp-content/uploads/2012/12/Stambulwskaa_Deklaracia.pdf (дата обращения: 19.02.2019).
29. Федеральный закон от 12.01.1996 №8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» // Российская газета. – 1996. – № 12.
30. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – № 263.9951
31. Черешнева И.А. Территории со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности: опыт Китая // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6. – С. 162-168.
32. Amendment VII to the Criminal Law of the People's Republic of China. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Law/2011-02/15/content_1620636.htm (дата обращения: 19.02.2019).
33. An N., Shi Y., Jiang Y., & Zhao L. (2016). Organ donation in China: the major progress and the continuing problem. *Journal of biomedical research*, 30(2), 81-82. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4820883/> (дата обращения: 19.02.2019).
34. Declaration on Human Organ Transplantation (1987). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/instreet/organtransplantation.html> (дата обращения: 18.02.2019).
35. Ding Chunyan. Latest Development of Legal Regulations of Organ Transplant in China. // *Journal International de Bioéthique*. 2008. - № 4. - Vol. 19. - P. 63. DOI 10.3917/jib.194.0061
36. Huang J.F. et al. The New Era of Organ Transplantation in China. // *Chin Med J*. 2016. – № 129(16). – P. 1891-1893.
37. Human Organ and Tissue Transplantation Resolution WHA 63.22 of the Sixty-Third World Health Assembly, 2010. URL: http://journals.lww.com/transplantjournal/Fulltext/2010/08150/Human_Organ_and_Tissue_Transplantation_Resolution.2.aspx. (дата обращения: 18.02.2019).
38. Jiefu Huang. The “Chinese Mode” of organ donation and transplantation // *Hepatobiliary Surg Nutr*. 2017 Aug; 6(4): 212–214. DOI: 10.21037/hbsn.2017.07.08.
39. Legislative responses to organ transplantation. / Ed. by World Health Organization. – Martinus Nijhoff Publishers, 1994. - 481 p.
40. Organ Donation and Transplantation // U.S. Department of Health and Human Services, Office on Women`s Health. – 2010. – February. – P. 1-5.

41. The European Court of Human Rights. Judgment of 8 October 2015. Application no. 21566/13. URL: <https://swarb.co.uk/sergey-denisov-v-russia-echr-8-oct-2015/> (дата обращения: 18.02.2019).
42. Wu Y, Elliott R, Li L, Yang T, Bai Y, Ma W. Cadaveric organ donation in China: A crossroads for ethics and sociocultural factors. // *Medicine*. – March 2018. – Vol. 97. - Issue 10. – P. e9951. DOI: 10.1097/MD.0000000000000000.

Баранов Артур Валентинович, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории России и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный педагогический университет
art.historu@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 2000-Е ГГ.

УДК 323 (510)

***Аннотация.** В статье рассматриваются правовые аспекты регулирования процесса обращения информации в современном Китае на фоне процесса глобализации. Курс реформ, проводимых правительством КНР с конца 1970-х гг., сопровождается серьёзными структурными изменениями во всех сферах жизни китайского общества. Данный процесс сопровождается скачкообразными темпами расширения информационного пространства страны, увеличением численности средств массовой информации, в особенности интернет-массмедиа. Расширение возможностей Интернет-контента в области рекламы товаров и услуг, его влияние на формирование общественного мнения объясняют пристальное внимание китайских властей к этому средству коммуникации. Правительство КНР рассматривает Интернет как средство идеологического воздействия на граждан. Неслучайно оно принимает активные административные и экономические меры по установлению контроля над информационным пространством и доступом к нему населения. Государственный надзор в отношении национальных СМИ и одновременное появление новых информационно-коммуникационных технологий привели к созданию многоуровневой структуры законодательства, управления и технического контроля над китайским интернетом.*

***Ключевые слова и фразы:** КНР, информационное пространство, глобализация, идеология, общественное мнение, средства массовой информации, право, интернет.*

Arthur Baranov, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Department of Russian History and Special Historical Disciplines
Blagoveshchensk State Pedagogical University
art.historu@mail.ru

THE PERSPECTIVES OF RELATIONS BETWEEN THE USA AND PRC IN THE PERIOD OF D. TRUMP'S PRESIDENCY (SINCE 2017)

***Abstract.** The article discusses the legal aspects of the regulation of the information circulation process in modern China against the background of the globalization process. The course of reforms conducted by the government of the PRC since the late 1970s, accompanied by serious structural changes in all spheres of life of Chinese society. This process is accompanied by a spasmodic pace of expansion of the information space of the country, an increase in the number of mass media, especially Internet mass media. The expansion of the possibilities of Internet content in the field of advertising goods and services, and its influence on the formation of public opinion explain the close attention of the Chinese authorities to this means of communication. The government of China considers the Internet as a means of ideological influence on citizens. It is no coincidence that it takes active administrative and economic measures to establish control over the information space and access of the population to it. State supervision of national media and the simultaneous emergence of new information and communication technologies led to the creation of a multi-level structure of legislation, management and technical control over the Chinese Internet.*

Key words and phrases: *China, information space, globalization, ideology, public opinion, the media, law, the Internet.*

Новый период развития информационного пространства связан со структурными процессами, происходящими в современном мире, изменяющими его привычный облик. В первую очередь, речь идёт о глобализации, охватившей все сферы жизни общества. В той или иной степени глобализация затронула все страны, включая и Китай.

Впервые термин «глобализация» был предложен в 1944 г. в США. В 1960-е гг. его производные («глобализм», «глобальный») начали проникать в европейский истеблишмент [1, с. 136.]. Выражение «глобальная деревня» принадлежит широко известному в мире канадскому философу, культурологу, теоретику в области массовых коммуникаций Герберту Маршаллу Маклюэну.

Уже несколько десятилетий в Китае проводится комплекс реформ, существенным образом изменивших облик китайского общества. В ходе их проведения ведущий акцент правительством страны был сделан на создании новой системы экономических отношений – социалистической рыночной экономики, получившей название «китайская модель». Преобразования были направлены на ускорение темпов экономического роста и сопровождались переходом к политике открытости страны для укрепления связей с другими странами, расширения партнёрства в различных сферах жизни китайского общества [15, с. 203].

С этого времени начинается достаточно быстрое расширение информационного пространства Китая, способствовавшее увеличению численности периодических изданий, информационных агентств, радиостанций и телевизионных станций, интернет-сайтов. Согласно данным на 2014 год, количество выпускаемых газет по всей стране достигло 114 млн. экземпляров, что выводит Китай на первое место в мире. Аудитория телезрителей превышает 1 млрд. 500 млн. человек (составляет 97,6% населения страны), а число пользователей Интернета – более 357 млн. чел. [15, 205]

Новые явления в экономической жизни КНР способствовали стремительному росту сетевых средств массовой информации и обновлению форм деятельности традиционных СМИ. Так, три четверти китайских печатных изданий имеют собственные интернет-редакции [16]. С 2001 года в Китае проводится ежегодный «Форум интернет-СМИ Китая», на котором собираются наиболее влиятельные сетевые СМИ всей страны («Жэньминьван», сайт «Синьхуа» и др.)/ Главной темой данных форумов и ведущим направлением государственной политики стало «создание здоровой сетевой окружающей среды» [9].

Однако на практике эти изменения оказали незначительное влияние на сферу государственного регулирования средств массовой информации. Это даёт повод отдельным специалистам в области информационной политики утверждать, что китайские СМИ по-прежнему функционируют в условиях жесткого контроля со стороны государства и Коммунистической партии Китая [3, с. 71].

С юридической точки зрения, в КНР отсутствует специализированный нормативный правовой акт о СМИ, хотя работа над его созданием ведётся с начала периода реформ. Между тем правовые нормы, определяющие юридические основы информационного пространства, содержатся в других законодательных актах. Среди них ведущая роль принадлежит Конституции КНР, в которой закреплены общедемократические свободы слова, печати, объединений, процессий и демонстраций (ст. 35), а также право на критику и внесение предложений относительно деятельности любого государственного органа или официального лица (ст. 41) [5].

В то же время в законодательстве Китая имеет место запрет на публикацию материалов, наносящих ущерб «единству, территориальной целостности и суверенитету КНР», про-

тиворечащих «базовым принципам Конституции КНР». Речь идёт о приверженности социалистическому пути, руководящей роли Коммунистической партии Китая [15, с.203].

В Положении «О раскрытии правительственной информации» предполагается возможность доступа СМИ к государственной информации. Граждане и организации имеют право получить правительственную информацию, могут обращаться с запросами для получения соответствующей официальной информации в рамках хозяйственной деятельности, по личным вопросам, в научно-исследовательской работе и в других случаях, определённых законодательством [6].

В частности, в статье 15 данного Положения определён механизм предоставления официальной информации. Органы государственного управления обязаны оглашать официальные сведения самостоятельно. Документы могут быть опубликованы в правительственных бюллетенях, на правительственных веб-сайтах, оглашаться на пресс-конференциях, в печатных изданиях, радио, телевидении, а также с помощью других каналов передачи информации [6].

Наряду с правами СМИ Китая имеют соответствующие обязанности. Так, согласно ст. 3 Конституции КНР, китайские граждане обязаны хранить государственную тайну. Об этом также напрямую говорится в законе «О защите государственной тайны КНР» [5]. Кроме того, в соответствии со ст. 27 на СМИ возлагается обязанность принимать все возможные меры, касающиеся информационной безопасности с целью не допустить утечки государственной тайны [5].

В законодательстве Китая устанавливается особый порядок защиты от клеветы, которая одновременно рассматривается как гражданское правонарушение и уголовное преступление. Так, согласно ст.ст. 100, 101 Общих положений гражданского права КНР, не допускается использование образа гражданина в целях извлечения дохода без его согласия, а также действия, порочащие честь и достоинство граждан путём оскорблений, клеветы и т.д. [7].

Многие китайские исследователи отмечают постепенный отход государства от командно-административных методов в сфере информационной политики. Тем не менее по-прежнему имеет место партийно-государственный идеологический контроль СМИ применительно к вопросам политического характера и в области рекламы.

Между тем на современном этапе передовые информационные и эфирные технологии способствуют превращению информационного пространства в «глобальную деревню», формированию новой медиа среды, накладывающей отпечаток на всю китайскую журналистику и медиакультуру в целом.

В условиях информационной глобализации информационное пространство КНР претерпевает серьезные изменения, которые в целом развиваются в русле общих мировых тенденций, затрагивает все сферы деятельности китайских массмедиа и создает условия для их развития. В процессе глобализации большие интернациональные компании все больше внимания уделяют вопросам взаимодействия с местными китайскими СМИ.

Китайские источники утверждают о том, что сетевая медиасреда Китая становится самым влиятельным, инновационным видом СМИ. Новостные сервисы китайского Интернета уделяют всё большее внимание оригинальности контента, его визуализации и мультимедийной демонстрации. Массмедиа получили новые технологические возможности доступа к каждому человеку через мобильный телефон, планшетник, айфон, айпад и т.д. [12, с.3].

В официальных статистических докладах отмечаются противоречивые процессы в развитии информационного пространства Китая. С одной стороны, стремительно развивается микроблогинг (около 50% пользователей), с другой – сокращение показателей традиционных способов интернет-коммуникации [9]. Учитывая расширение возможностей Интернет-контента в области рекламы товаров и услуг, его влияния на формирование общественного мнения, становится понятным всё более пристальное внимание китайских властей к этому средству коммуникации в информационном пространстве КНР. Неслучайно в 2010-е гг. всё

большее внимание государства и общественности стала привлекать проблема целесообразности фильтрации информации в Сети.

Ещё в 2007 г. был издан закон, запрещающий размещение любой негативной информации о государственной политике в китайских СМИ. Принятие этого закона сопровождалось карательными мерами властей против оппозиции и арестами «диссидентов»[2].

Институт журналистики и массовых коммуникаций совместно с издательством Китайской Академии общественных наук выпустили «Синюю книгу о новых медиа» («Доклад о развитии новых медиа Китая»). В данной работе утверждалось, что среди наиболее обсуждаемых тем на долю слухов приходится более одной трети всей информации [4].

Сложившаяся ситуация с интернет-СМИ требует аккуратного отношения к проблеме и её объективной оценки. В современном мире наиболее полную информацию о социально-политической реальности человек получает не из личного опыта, а с помощью СМИ. Ведущую роль в этом процессе стремятся взять на себя интернет-СМИ, которые уже не только транслируют информацию, но и активно формируют индивидуальное и массовое сознание. Интернет-СМИ вырабатывают определенные установки и постепенно выходят за пределы сугубо информационных средств управления обществом, становятся одним из главных факторов, определяющих приоритеты пользователя.

Ряд исследователей полагает, что информационное воздействие через интернет-СМИ представляет собой один из способов управления массовой аудиторией, основанный на косвенном участии в выработке определенного типа массового поведения путем создания в массовом сознании искаженной картины мира [8, с.155].

Правительство КНР рассматривает Интернет как средство идеологического влияния на население. Неслучайно оно принимает активные административные и экономические меры по установлению контроля над информационным пространством и доступом к нему населения [14, с.69.]. Одновременно в целях усиления идеологической работы среди населения и молодежи государство организует контролируемое обсуждение актуальных тем в местной печати и на радио.

В КНР на самом раннем этапе развития Интернета и онлайн-СМИ началась разработка законодательства для регулирования их деятельности. Китайская система регулирования деятельности в сфере онлайн-СМИ имеет специфические черты. Контроль государства в отношении национальных СМИ и одновременное появление новых информационно-коммуникационных технологий привели к созданию многоуровневой структуры законодательства, управления и технического контроля над китайским интернетом. Власти Китая постоянно ужесточают контроль над своим внутренним онлайн-пространством. Например, было запрещено использовать сетевые псевдонимы – «ники», а для регистрации стали обязательны паспортные данные, адрес и телефон. Китайские пользователи не могут свободно присутствовать в таких популярных мировых сервисах, как YouTube, Twitter и Facebook.

Интернет-цензура распространения информации через интернет в Китайской Народной Республике, а также отслеживание формирования общественного мнения осуществляется с помощью двух организаций - Центра изучения общественного мнения при Информационной службе Госсовета КНР и Административного бюро интернет-пропаганды. В 2010 г. было создано Бюро по координированию новостей, работавшее синхронно с существовавшим ранее Бюро Госсовета по контролю над информацией. 25 мая 2011 г. Министерство обороны КНР сообщило о создании специального подразделения «Синяя сетевая армия», задача которого - поднять уровень интернет-безопасности Китая [13].

Система проверки и отбора новостной онлайн-информации в Китае имеет название «Великая китайская информационная стена» («золотой щит»). Веб-страницы фильтруются по спискам ключевых слов, а также по «чёрному списку» адресов сайтов. Ключевым компонентом китайской системы фильтрации является документ «Публичное поручительство самоцензуры и профессиональной этики», обязательный для подписания любым СМИ [10]. В

результате деятельности интернет-полиции китайский пользователь, набрав в строке поиска, например, «свобода слова» и «права человека», в лучшем случае получит доступ к прошедшим политическую цензуру сайтам.

В целом система правового регулирования взаимоотношений в информационном пространстве КНР имеет огромное влияние на китайское общество. Формально свобода слова в интернете признается и гарантируется государством, защищается им наравне с другими правами и свободами, что предопределяет её ограничение, но в той лишь мере, которая будет достаточна для обеспечения гарантии остальных прав. Однако китайский интернет до сих пор остается информационным пространством, недостаточно урегулированным как действующим законодательством, так и соответствующими договорами между отдельными субъектами информационных отношений. С учётом отличительных особенностей интернета, его роли в процессе глобализации требуется разработка международных нормативов при установлении национальных стандартов и создании механизмов для эффективного функционирования китайского интернета, как, впрочем, интернета и в других странах мира.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Глобализация // Экономический словарь / А.И. Архипов и др.; отв. ред. А.И. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 672 с.
2. Евдокимов Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве [Электронный ресурс]. URL:<http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/009.htm> (Дата обращения: 2.04.2019)
3. Капустина А.Г. Законодательные основы регулирования СМИ в Китае // Юридические науки. – 2015. – № 10(19). – С. 71-75.
4. Китайская Академия общественных наук. Более 30% самых обсуждаемых тем в Интернете – слухи [Электронный ресурс]. URL:<http://russian.cri.cn/1281/2013/06/30/1s473936.htm> (Дата обращения: 11.03.2019).
5. Конституция КНР [Электронный ресурс]. URL:http://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (Дата обращения: 12.02.2019).
6. О раскрытии правительственной информации [Электронный ресурс]. URL:http://chinalaw.center/administrative_law/china_government_information_disclosure_statute_2007_russian/ (Дата обращения: 22.02.2019).
7. Общие положения гражданского права КНР [Электронный ресурс]. URL:http://chinalaw.center/civil_law/china_general_principles_of_civil_law_revised_2009_russian/ (Дата обращения: 20.02.2019).
8. Павлова Е.Н. Сознание в информационном пространстве. – М.: Академия, 2007. – 684 с.
9. Проведение 9-го форума «Интернет-СМИ Китая» [Электронный ресурс]. URL:<http://russian.people.com.cn/31516/6823522.html/> (Дата обращения: 12.02.2019).
10. Прохоров А. Цензура в интернете: за и против [Электронный ресурс]. URL:<http://www.compress.ru/article.aspx?id=17261&iid=799> (Дата обращения: 13.03.2019)
11. Фан Ханьци и др. История китайской журналистики и коммуникации: учеб. пособ. по журналистике 21 века. – Пекин: Университет «Жэньминь», 2010. – 320 с..
12. Хао Сяомин, Ли Чжань. Вызовы коммуникации системе СМИ материкового Китая // Исследования журналистики. – 2000. – № 69. – С.3-10.
13. Цензура интернета в Китае [Электронный ресурс]. URL:http://www.content-filtering.ru/allinet/regulinet/regulinet_249.html (Дата обращения: 23.03.2019).
14. Цзя Лежун. Интернет и китайские онлайн-СМИ. – М.: изд-во МГУ, 2004. – 122 с.
15. Энциклопедия мировой индустрии СМИ: Учеб. пособие для студентов вузов/ Под ред. Е.Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 464 с.

16. Kitairu [Электронный ресурс]. URL: <http://cn.kitairu.info/chi/> (Дата обращения: 10.03.2019).

Кабанова Виктория Олеговна, магистрант
Кафедра теории и истории государства и права
Амурский государственный университет
vika-yezhevika@mail.ru

Зайцева Татьяна Анатольевна, канд. юрид. наук, доцент
Кафедра гражданского права
Амурский государственный университет
tazaytseva@rambler.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

УДК 340

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы, возникающие в процессе развития понятия источников права в КНР и РФ. Существующие проблемы обусловлены тем, что ни в РФ, ни в КНР не существует единого понятия источников права. Затрагиваются основные источники права в этих государствах, в том числе международные источники права, регулирующие взаимоотношения между Россией и Китаем. Кроме того, установившиеся дружеские отношения между нашими странами, а также активное социально-экономическое, политическое и военное сотрудничество требует принятия современных двусторонних договоров, нацеленных на укрепление и развитие взаимодействия. Помимо прочего, текущее недостаточное исследование понятия «источник права» является существенной проблемой для юридической науки КНР, решению которой может поспособствовать опыт Российской Федерации.*

***Ключевые слова и фразы:** КНР, РФ, источник права, международное сотрудничество.*

Viktoriiia Kabanova, master student
Department of Theory and History of State and Law
Amur state university
vika-yezhevika@mail.ru

Tatiana Zaytseva, Cand. Sc. in jurisprudence, Associate Professor
Department of Civil Law
Amur state university
tazaytseva@rambler.ru

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF SOURCES OF LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

***Abstract.** The article deals with the problems arising in the process of developing the concept of sources of law in the PRC and the Russian Federation. The existing problems are due to the fact that neither in the Russian Federation nor in the PRC there is a single notion of sources of law. The main sources of law in these states are affected, including international sources of law governing relations between Russia and China. In addition, the established friendly relations between our countries, as well as active socio-economic, political and military cooperation, require the adoption of modern bilateral treaties aimed at strengthening and developing interaction. Among other things, the current insufficient research on the concept of “source of law” is a significant problem for the legal science of the PRC, the solution of which can be contributed by the experience of the Russian Federation.*

***Key words and phrases:** PRC, Russian Federation, the source of law, international cooperation.*

Проблема источников права занимает важное место в развитии и становлении права России, однако в Китае на текущем этапе развития права данное явление недостаточно изучено.

Учитывая новизну понятия «источник права» в Китае, следует отметить, что за относительно небольшой срок оно претерпело существенные изменения. Реформа 50-х годов XX века и образование новой судебной системы существенно повлияли на понятие источников права. Судебная реформа 1978 года также послужила поводом для новых дискуссий относительно понятия источников права, однако единого понятия сформировано так и не было.

Важно отметить, что российская правовая мысль оказала свое влияние на проблему источников права в Китае. В период с 60-х по 90-е годы XX века китайские юристы перевели множество учебников по теории источников права и теории государства и права, что, в том числе, способствовало более четкому и единому пониманию данного термина.

В настоящее время значение этого понятия в Китае стало схожим с его пониманием в рамках европейской теории. Многие юристы Китая придерживаются мнения о неразрывной связи понятия источника права с именем Цицерона. Кроме того, наращивание единообразия в понимании данного термина способствовало развитию юридической теории и практики Китая.

Мнения ученых относительно источников права современного Китая разделились на две большие группы.

Первая группа ученых выделяла как основные источники права нормативно-правовые акты, обычное право, прецедентное право, политику, юридическую доктрину, теорию авторитета и универсальную ценность;

Вторая группа выделяла обычное право, прецедентное право, статутное право, правовые договоры и юриспруденцию (как науку).

В завершении рассмотрения вопроса о термине «источник права» в Китае можно прийти к следующим выводам. Под источником права в КНР обычно понимаются официальные источники права - нормативно-правовые акты, наделенные законной силой. Сообразно развитию теории государства и права изменяется и понимание соотношения государства и права в Китае. Значимый этап в истории развития источников права приходится на начало – середину XX века. В этот период принят кодекс "Шести законов", в который входят Конституция, Гражданское и Уголовное право, Гражданское процессуальное право, Уголовное процессуальное право, Административное право.

Говоря о российской правовой системе в контексте происхождения термина «источник права», ученые высказываются более однозначно. Россия является страной романо-германской правовой семьи, поэтому большинство ученых сходятся во мнении, что термин «источник права» впервые использован в научном труде мыслителя Древнего Рима Тита Ливия, который связывал источник права с принятием Закона XII таблиц [3].

Раскрытие понятия источника права в России гораздо более дискуссионный вопрос, нежели его возникновение. В начале XX века известный российский юрист И.В. Михайловский говорил об отсутствии единообразия в понимании данного термина, что порождало множественные споры [5]. В советский период, особенно в 40-е годы XX века, споры продолжались, поскольку многие ученые под источниками права понимали диктатуру рабочего класса. Однако в их противовес выступали ученые, раскрывающие понятие «источник права» как способ придания государственной власти общеобязательной силы.

В условиях современного российского правового государства, где понятия «источник права» и «форма права» отождествляются, под формой права понимается системная внутренняя организация права, которая отражает идею какой-либо правовой нормы для восприятия всеми участниками правовых и общественных отношений.

Стоит отметить, что в юридической литературе нет точного, единообразного определения источника права, поскольку одни правоведы под данным термином понимают нормо-

творческую деятельность государства по созданию правовых предписаний, а другие ученые – результаты этой нормотворческой деятельности.

В формально-юридическом смысле под термином источники права понимаются юридические конструкции, которые позволяют воспринимать их в качестве таковых и непосредственно функционировать в роли норм, наделенных государством обязательной силой. Данный подход позволяет установить способ формирования и закрепления правовых норм, порядок и способы их доведения до общества и практического использования правоприменителями, конкретную сферу правового регулирования и определенный вид общественных отношений, подпадающих под их действие.

Ученый-правовед С.С. Алексеев, отмечая, что названный процесс является инструментом перевода требований общественных тенденций в собственно юридические нормы, под источниками права понимает исходящий от государства или признанный им официально способ выражения и закрепления нормы права как идеи о должном или допустимом поведении в объективном смысле [1], а также то, где содержится норма права, объективное закрепление и проявление содержания права в определенных актах государственных органов [2]. Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что в российской юридической литературе на текущий момент не существует единого понимания термина источника права (форма права), в результате чего представляется затруднительным точное определение данного понятия. Вместе с тем необходимо отметить, что данное понятие трансформируется с развитием общества и государства.

В современном Китае исследованию источников права не уделяется должного внимания. По историческим причинам на современную юриспруденцию Китая влияют три фактора: традиционная правовая идея Древнего Китая, теория государства и права СССР, романо-германская правовая система (Римское право). В то же время в России наблюдается обратная ситуация. Исследование источников права занимает одно из главных мест в российской юридической науке и получило существенное развитие в научной литературе.

В настоящее время в Китае популярно суждение, что источники права относятся к формальному источнику права, который наделяется обязательной юридической силой законодательной власти государства. Таким образом, статутное право имеет абсолютный приоритет в системе источников права КНР как по историческим причинам, так и в силу особенностей законотворческой техники.

В РФ также главным источником права выступает нормативно-правовой акт, принятый компетентными органами в установленном порядке [4]. Необходимо отметить, что в России с течением времени все большее значение придается неофициальным источникам права, во главе которых стоит судебный прецедент.

Особенно хотелось бы выделить такой источник права, как международный договор. Российская Федерация наравне с Китаем признают этот источник как один из основных в своих политических системах, и именно международный договор во многих сферах взаимодействия выступает связующим звеном между двумя государствами. На фоне нарастающего социально-экономического, политического и военного сотрудничества между Россией и Китаем данный источник права приобретает все большую актуальность. Одним из основных политических договоров является «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» от 16 июля 2001г., содержащий основополагающие принципы и направления взаимодействия между странами.

Статья 1 данного Договора закрепляет положения о долгосрочной основе всестороннего развития отношений добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

Целесообразно в условиях существующих политических разногласий между странами Запада и Российско-Китайским партнерством принимать новые международные договоры,

способные в полной мере отражать достигнутые дружеские отношения и уровень развития этих отношений между двумя странами, а также стимулировать их к дальнейшему развитию.

Таким образом, аналогично романо-германской правовой семье, в КНР и РФ в системе источников права играет важнейшую роль статутное право. В данных государствах современные источники права схожи, особенно в их классификации, в которой нормативные правовые акты (законы и подзаконные акты) имеют абсолютный авторитет в системе источников права по своей юридической силе. Однако правовые системы обоих государств нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – С. 250.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – С. 402.
3. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов. – М., 2004. – С. 17.
4. Марченко М.Н. Основы права. – М., 2016. – С. 16.
5. Михайловский И.В. Очерки философии права: Т. 1. – Томск, 1914. – С. 237.

Разумов Егор Александрович,

Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований

Института истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток

razumov.egor@gmail.com

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

УДК 94 + 327

Аннотация. В статье рассматриваются военно-политический и социально-экономический аспекты кибербезопасности Китайской Народной Республики.

Ключевые слова и фразы: кибербезопасность, НОАК, КНР, национальная безопасность, информационные технологии.

Egor Razumov,

Institute of History, Archaeology and Ethnography

of the Peoples of the Far East, FEBRAS, Vladivostok

razumov.egor@gmail.com

CYBERSECURITY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: MILITARY-POLITICAL AND SOCIO-ECONOMICAL ASPECTS

Abstract. The article deals with the military-political and socio-economic aspects of the cybersecurity of the People's Republic of China.

Key words and phrases: cybersecurity, PLA, PRC, national security, information technologies.

Материал подготовлен при поддержке гранта ДВО РАН (проект №18-5-040 «Конфликтный потенциал и зоны напряжённости на восточных рубежах России: структурные трансформации и прогнозы развития»)

Обеспечение информационного суверенитета играет большую роль в системе национальной безопасности Китайской Народной Республики. Для китайского правительства проблема информационной безопасности имеет ключевое значение, так как технологическое развитие, увеличение цифровой экономики в жизни страны постепенно сформировало концепцию “китайской модели интернета”. Данная концепция включает в себя не только идеологическую, но и экономическую, и военно-политическую составляющую. Поэтому в исследовании рассматривается исключительно военный, социально-политический аспекты, без углубления в его техническую часть.

Стоит отметить, что в отечественной науке среди авторов, занимающихся проблемами кибербезопасности в Китае, следует назвать В. Б. Кашина [3], Г. Ибрагимову [1], Г. Юрченко [4]. В зарубежной науке основные работы представлены американскими авторами Jon R. Lindsay[8], Ball D.[6], Peter Wood [10]. Из китайских стоит выделить Г. Фэй [2].

Военно-политический аспект “модели китайского интернета”

Отправной точкой в формировании и становлении кибервойск Китайской Народной Республики стоит считать период 90-х гг. XX в. С этого момента китайское руководство стало предпринимать попытки регулирования информационного пространства. Толчком к пристальному вниманию за распространением информации послужили Тяньаньмэньские

события 1989 г. Данный аспект характеризуется двумя моментами:

1. Руководство Коммунистической партии Китая осознало необходимость тотального контроля над информационными процессами внутри страны, так как они позволяют сохранять социальную стабильность в обществе.

2. После событий подавления студенческих митингов в Пекине западные страны, в частности Соединённые Штаты Америки, ввели против Китая санкции, которые запрещают западным странам продавать Китаю вооружения и технологические разработки.

Данные аспекты существенно повлияли на взгляды китайского руководства по реализации политики в области информационной безопасности, которая бы опиралась на собственные возможности и силы. Поэтому в конце 90-х годов XX века правительством Китая были предприняты шаги по реформированию военно-промышленного комплекса. В ходе проводимых реформ в программах развития вооружений особо подчёркивалось применение «высоких» технологий в условиях вероятных локальных войн, с которыми может столкнуться китайская армия [2]. При этом отражение агрессии против Китая предполагалось вести, следуя концепции «активной обороны», которая должна обладать не только оборонительными, но и наступательными возможностями. И немаловажное значение уделялось информационно-технологической составляющей.

Для поддержания информационной безопасности правительством Китая реализуется программа военно-гражданской интеграции. Благодаря ей были образованы крупные государственные корпорации в ядерной, космической, авиационной, судостроительной сферах, которые бы могли выполнять весь комплекс задач по выпуску как гражданской, так и военной продукции. Данные корпорации включали в себя не только производственные базы, но и научно-исследовательские и производственные структуры. В дальнейшем большое значение стало уделяться созданием технологических парков. Это обуславливалось очень высокой «утечкой мозгов» из Китая в США, а также необходимостью укрепления научно-технической составляющей в военном строительстве. Если в размещении производственных мощностей реализовывался советский географический принцип, то в расположении технопарков реализовывался курс на «наполнение» зон боевого командования (бывшие военные округа) для технологической поддержки основных вооружённых сил в случае агрессии противника.

Кибервойска можно формально разделить на три категории:

1. Специализированные подразделения Народно-освободительной армии Китая. В дореформенный период данное подразделение напрямую подчинялись военному командованию Центрального Военного Совета при ЦК КПК. В конце 2015 года Си Цзиньпин в ходе реформы НОАК образовал новое подразделение — войска стратегической поддержки [14]. В их функции входит проведение кибератак на стратегические объекты противника, промышленный шпионаж и обеспечение информационной поддержки Вооружённых Сил Китайской Народной Республики.

2. Внутренние информационные силы. Данные подразделения напрямую подчиняется Министерству общественной безопасности КНР. Они отвечают за обеспечение внутренней безопасности, а именно мониторинг информационно-новостного пространства, обеспечение сохранности гражданских и военных объектов, важной критической инфраструктуры.

3. Гражданские формирования. В данную категорию входят хакеры из гражданской среды, фирмы ботов. Предполагается, что они могут быть использованы как инструмент влияния на китайских граждан методом публикации «правильных» материалов в социальные сети [5].

Социально-экономический аспект «модели китайского интернета»

Согласно 43-му статистическому докладу, подготовленному CNNIC, в декабре 2018 года количество пользователей в китайском сегменте Интернета составило 829 миллиона человек, что на 3,8% больше, чем аналогичные статистические данные на конец 2017 года [11]. Постепенный рост числа пользователей поставил перед китайским руководством

необходимость разработки соответствующих задач по обеспечения кибербезопасности.

С 2015 года правительством Китая запускается проект «Интернет плюс», который включает в себя ряд государственных услуг, которые можно получить в информационном пространстве: записаться к врачу, чиновнику, получить данные о штрафах, налогах, справки и иную интересующую информацию о работе государственных органов. С 2018 года в разных регионах страны появилась функция получения временной регистрации. Несмотря на это, повсеместный запуск государственных электронных услуг затрудняется технологическим отставанием некоторых районов страны. Например, самыми технологически развитыми районами Китая признаётся провинция Гуандун, провинция Чжэцзян и четыре города центрального подчинения – Пекин, Шанхай, Тяньцзинь. Среди отсталых технологических районов признаётся Северо-Восток Китая (провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин) и Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Согласно программным установкам на 13-ю пятилетку, процесс информатизации в КНР делится на три типа:

1. 3G-интернет преимущественно распространяется на сельской территории.
2. 4G-интернет используется в городских поселениях и крупных городах [15].
3. 5G-интернет на данный момент используется исключительно в военных целях.

Китайское правительство планирует начать использовать этот проект для гражданских потребностей к 2021 году. Примечательно, что единственным разработчиком и поставщиком необходимого оборудования для 5G-интернета является государственная корпорация Huawei.

Вместе с проектом государственных услуг «Интернет плюс» [12], в Китае активно продвигаются платёжные системы. На сегодняшний день успешно функционируют WeChat pay, Alipay и Union pay. Кроме этого, на территории Китая действует мессенджер WeChat, полностью заменяющий по функционалу иностранные аналоги WhatsApp, Telegram и Facebook Messenger. Таким образом, китайское руководство создало собственную импортозамещённую экономическую и информационную экосистему. Это позволяет государственным органам отслеживать весь имеющийся интернет-трафик, собирать экономическую, геолокационную, текстовую, графическую и прочую информацию о китайских и иностранных пользователях. Кроме этого, отличительной особенностью платёжных систем является сбор экономической информации о пользователе, которая впоследствии используется в составлении социального рейтинга гражданина КНР.

В Китае используется технология считывания QR-кодов, которая применяется повсеместно. Различия от мировой системы NFS заключается в простоте технологии, вероятностью её повсеместного применения. Кроме этого, система QR-кодов предполагает наличие во штрих-коде URL-ссылки, текста, иероглифов, цифр, картинок. Это делает систему считывания кодов простой и универсальной. Тем более что считывание специального кода может производиться на любом телефоне, в котором присутствует камера. В то же время в Китае растёт количество стартапов, направленных на проведение финансовых транзакций через считывания лица, без использования банковской карты [9].

В идеологическом плане, как отмечает председатель КНР Си Цзиньпин, государственные органы не должны пресекать волеизъявление народа в Интернете, однако недопустимым является распространение порнографии и любой запрещённой информации, способной подорвать государственный строй и социальную стабильность [13].

Выводы

Роль и контроль государства в китайском сегменте интернета достаточно велика. Рассмотренная автором концепция «китайской модели Интернета» показывает, что в социально-экономическом плане в Китайской Народной Республике функционируют такие платёжные системы, как WeChat pay, Alipay, Union pay. Они же являются главными операторами системы социального рейтинга китайских граждан. Закрытость китайского сегмента Интернета формирует «импортозамещение» иностранного софта, сайтов и сервисов. Курс на реализацию программы «Интернет плюс» замедляется

неравномерностью распространения скоростного Интернета на территории КНР, но и выборочно внедрения системы предоставления государственных услуг.

В военно-политическом плане государственная политика опирается на концепцию «активной обороны», ставя Народно-освободительную армию Китая стержневым элементом обеспечения кибербезопасности в стране. Поддержание информационной безопасности осуществляется путём создания специализированных технологических парков и компаний.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Ибрагимов Г. Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559074100.pdf> (Дата обращения 02.02.2019).
2. Каменов П.Б. КНР: военно-технические аспекты модернизации обороны. – М., 2001. – 64 с.
3. Кашин В. Б. Китайские разведывательные службы: общая структура, основные направления деятельности // Экспорт вооружений. – 2014. – № 3.
4. Юрченко Г. Киберборьба по взглядам руководства Китая. Военное обозрение. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belvpo.com/ru/13593.html> (Дата обращения 02.02.2019).
5. Amy Chang. Warring State China's Cybersecurity Strategy [Электронный ресурс]. <https://www.sbs.ox.ac.uk/cybersecurity-capacity/system/files/Warring%20State%20-%20China%27s%20cybersecurity%20strategy.pdf> (Дата обращения: 13.02.2019).
6. Ball, D. China's cyber warfare capabilities. Security Challenges, 7(2), 2011. P. 81–103.
7. Blasko D. The New PLA Joint Headquarters and Internal Assessments of PLA Capabilities. China Brief, Volume 16, Issue 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://jamestown.org/program/the-new-pla-joint-headquarters-and-internal-assessments-of-pla-capabilities/> (Дата обращения: 25.02.2019).
8. Fei G. China's Cybersecurity Challenges and Foreign Policy // Georgetown Journal of International Affairs. 2011. Vol. 3, N 3. Pp. 185-190.
9. Lindsay, J. R., Cheung, T. M. (2015). From Exploitation to Innovation. China and cybersecurity: espionage, strategy, and politics in the digital domain. London, Oxford University Press. 398 p.
10. Rachel Chang. China Is the World's Retail Laboratory [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2018-10-18/china-is-the-world-s-retail-laboratory> (Дата обращения: 02.02.2019).
11. Wood P. Chinese Perceptions of the “Third Offset Strategy”. China Brief, Volume 16, Issue 15. [Электронный ресурс]. URL: <https://jamestown.org/program/chinese-perceptions-third-offset-strategy/> (Дата обращения 9.05.2017).
12. 第 43 次《中国互联网络发展状况统计报告》 [Электронный ресурс]. URL: http://cnnic.cn/gywm/xwzx/rdxw/20172017_7056/201902/W020190228474508417254.pdf (Дата обращения: 28.03.2019).
13. 互 联 网 + 互 [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BA%92%E8%81%94%E7%BD%91%2B> (Дата обращения: 02.03.2019).
14. 习近平谈治国理政。第二卷 / 北京：外文出版社，2017.11
15. 习近平向中国人民解放军陆军火箭军战略支援部队授予军旗并致训词 [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/BIG5/n1/2016/0102/c64094-28003839.html> (Дата обращения: 07.01.2017).

16. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016lh/2016-03/17/c_1118366322.htm (Дата обращения: 02.03.2019).

Тарарышкина Ирина Сергеевна, канд. юрид. наук, доцент
Кафедра гражданского права и процесса
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
irina28995@gmail.com

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ И КИТАЕ

УДК 347

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование наследственных отношений в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.

Ключевые слова и фразы: наследование, наследодатель, наследники, наследственные отношения, Россия, Китай.

Irina Tararyshkina, Cand. of Legal Sciences, Assistant Professor
Department of Civil law and Process
Ryazan State University named after S.A. Yesenin
irina28995@gmail.com

ON THE ISSUE OF COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS INHERITANCE RELATIONS IN RUSSIA AND CHINA

Abstract. The article discusses the legal regulation of inheritance relations in the Russian Federation and the People's Republic of China.

Key words and phrases: inheritance, testator, heirs, inheritance relations, Russia, China.

Россия и Китай играют важную роль в обеспечении стабильности и безопасности в мире. Государства активно развивают двусторонние отношения. Основные направления и принципы взаимодействия России и Китая отражены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. «Российско-китайские связи, в основе которых лежит стратегическое партнерство, комплексно охватывают политику, науку и технику, культуру, образование и нацелены на укрепление безопасности России и Китая, стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом» [1, с. 6-7]. Российско-китайские отношения характеризуются высокой динамикой развития, равноправным доверительным партнерством, стратегическим взаимодействием, а также прочной правовой базой.

В связи с этим представляет интерес правовое регулирование отношений, возникающих в различных сферах общественной жизни России и Китая. Наследственные отношения являются одними из наиболее значимых в силу того, что касаются всех граждан (физических лиц). Правовое регулирование данных отношений во многом отражает политику государства в отношении частной собственности, свободы распоряжения имуществом, защиты отдельных категорий лиц и в целом ценностные ориентиры государства.

Основой правового регулирования наследственных отношений России и Китая является Конституция. В России признается тесная связь права собственности и права наследования, которое выступает в качестве одного из оснований приобретения права собственности. Поэтому в ст. 35 Основного Закона РФ, устанавливающей охрану частной собственности, гарантируется и право наследования.

В Конституции КНР также очевидно признание законодателем тесной связи права собственности и права наследования. Так, ст. 13 Конституции устанавливает, что государство защищает право граждан на владение законно полученным доходом, сбережениями, домом и

другой законной собственностью. Государство защищает законное право граждан наследовать частную собственность. Таким образом, право наследования гарантируется и защищается в Основном законе как РФ, так и КНР.

Истории России известны безуспешные попытки отменить право наследования. В 1918 году был принят декрет «Об отмене наследования» [3], согласно которому наследование по закону и по завещанию отменялось. Однако уже через три года в Гражданском кодексе РСФСР право наследования было восстановлено.

Развитие конституционных предписаний относительно права наследования происходит в законодательстве государств. В РФ правовому регулированию наследственных отношений посвящены главы 61-65 раздела пятого третьей части Гражданского кодекса (далее – ГК РФ). Наследственные отношения урегулированы достаточно подробно. В ГК РФ установлены общие положения о наследовании, урегулированы вопросы наследования по завещанию, по закону, приобретение наследства, установлен порядок наследования отдельных видов имущества. В связи с тем что каждая статья имеет название, значительно упрощается поиск необходимых правовых норм, регулирующих отдельные наследственные вопросы.

В Китайской Народной Республике наследственные отношения регулируются Законом «О наследовании» (далее – Закон), который состоит из 5 глав и включает 36 статей. Первая глава «Общие положения» регулирует вопросы открытия наследства, состава наследственного имущества, основания наследования, а также определяет действия, при совершении которых наследник утрачивает право наследования. Вторая глава «Наследование по закону» устанавливает очередность и порядок призвания к наследованию, а также доли в наследственном имуществе.

Третья глава «Наследование по завещанию и завещательный дар» содержит нормы, устанавливающие формы, содержание и порядок совершения завещания, условия его недействительности, право на обязательную долю, а также разрешает вопросы, которые могут возникнуть при наличии нескольких завещаний.

В четвертой главе «Управление наследственным имуществом» устанавливается порядок принятия наследства, его распределения, меры по охране наследственного имущества. Особое внимание уделяется вопросам раздела наследственного имущества, нажитого мужем и женой во время брака, охраняются интересы еще не родившегося ребенка.

Глава пятая «Дополнительные положения» предусматривает возможность на местном уровне установить специальные нормы наследственного права, а также регулирует наследственные отношения, осложненные иностранным элементом.

Анализ гражданского законодательства РФ и Закона КНР позволяет выявить отдельные общие черты и отличительные особенности правового регулирования наследственных отношений.

Так, открытие наследства в обоих государствах связывается со смертью гражданина. Ст. 1113 ГК РФ устанавливает, что наследство открывается со смертью гражданина. Аналогичные правила содержит ст. 2 Закона КНР.

Наследственному праву обоих государств известен принцип ограничения ответственности наследника по долгам наследодателя. Так, ст. 33 Закона КНР устанавливает, что уплата налогов и погашение долгов производятся в пределах действительной стоимости наследства. Однако не исключается возможность уплаты наследником долгов и налогов наследодателя за счет собственного имущества. В случае отказа наследника от наследства он не несет ответственность за уплату налогов и погашение долгов, которые наследодатель должен был погасить согласно закону.

Кроме того, имеет место признание принципа свободы завещания. При наличии завещания имущество распределяется согласно воли наследодателя. ГК РФ установлено, что завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, определять доли наследников в наследстве, лишить наследства наследников, не указывая причин этого, включить в завещание другие распоряжения (ст. 1119). Ст. 16 Закона «О наследовании» предоставляет гражданину право составить завещание, указав в нем одного или нескольких наслед-

ников, как входящих в круг наследников по закону, так и не входящих в него. В ст. 20 установлено право завещателя в любое время изменить или отменить завещание. К числу особых завещательных распоряжений, допускаемых законом КНР, относятся завещательное дарение и договор содержания под завещательное дарение. В РФ предусмотрена возможность установления завещательного отказа и завещательного возложения.

Главным принципом построения наследственных отношений в РФ является принцип универсального правопреемства. П. 1 ст. 1110 ГК РФ устанавливает, что имущество умершего переходит к другим лицам в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент. Относительно закона КНР в юридической литературе отмечается, что законодатель называет «наследование способом универсального или сингулярного правопреемства (в зависимости от основания приобретения наследства) имущественных и некоторых неимущественных прав наследодателя» [2, с. 58].

При отсутствии завещания происходит наследование по закону, который определяет очередность призвания к наследству. Так, в соответствии со ст. 10 Закона КНР в первую очередь к наследованию призываются супруг (супруга), родители и дети. Во вторую очередь братья и сестры, дедушка и бабушка со стороны отца, дедушка и бабушка со стороны матери. Круг наследников первой очереди может быть дополнен снохой или зятем, которые несли основную обязанность по содержанию свекра, свекрови, тестя или тещи.

В ГК РФ установлено восемь очередей наследников. Наследниками первой очереди являются дети, супруг и родители наследодателя. Второй очереди - полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, его дедушка и бабушка. Третьей очереди - полнородные и неполнородные братья и сестры родителей наследодателя (дяди и тети наследодателя). Четвертой очереди - прадедушки и прабабушки наследодателя. Пятой очереди - дети родных племянников и племянниц наследодателя (двоюродные внуки и внучки) и родные братья и сестры его дедушек и бабушек (двоюродные дедушки и бабушки). Наследниками шестой очереди признаются дети двоюродных внуков и внучек наследодателя, дети его двоюродных братьев и сестер и дети его двоюродных дедушек и бабушек. Наследники седьмой очереди - пасынки, падчерицы, отчим и мачеха наследодателя. В качестве наследников восьмой очереди призываются нетрудоспособные иждивенцы наследодателя.

Таким образом, в отличие от наследственного закона КНР, устанавливающего две очереди наследников, ГК РФ определяет восемь очередей, что предоставляет больше возможностей родственникам наследодателя получить наследственное имущество.

Наследственному праву России и Китая известно наследование по праву представления. Так, ст. 11 Закона КНР устанавливает, что в случае смерти детей наследодателя при его жизни, вместо них наследуют их дети, состоящие с ним в кровном родстве. По общему правилу внуки наследодателя могут наследовать только ту долю имущества, на которую имели бы право их отец или мать. Ст. 1146 ГК РФ определяет, что доля наследника по закону, умершего до открытия наследства или одновременно с наследодателем, переходит по праву представления к его потомкам и делится между ними поровну.

Институт недостойных наследников также не остался без внимания законодателей. Согласно ст. 7 Закона КНР наследник лишается права наследования при совершении умышленного убийства наследодателя или других наследников с целью завладения наследством. Такие же правовые последствия влечет оставление наследодателя без содержания и ухода, жестокое обращение с ним при отягчающих обстоятельствах. Подделка, изменение в свою пользу или уничтожение завещания при отягчающих обстоятельствах также является основанием отстранения лица от наследования. В Законе КНР не говорится о необходимости подтверждения указанных обстоятельств в судебном порядке, но представляется, что это необходимо.

Ст. 1117 ГК РФ устанавливает, что не наследуют граждане, которые своими умышленными противоправными действиями способствовали или пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию, увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке.

Не допускается наследование по закону родителями, лишенными родительских прав. Кроме того, суд вправе отстранить от наследования по закону граждан, злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них обязанностей по содержанию наследодателя. Российское наследственное право допускает прощение наследника, устанавливая возможность получить наследство в случаях, когда наследодатель после утраты гражданами права наследования завещал им имущество.

В гражданском законодательстве РФ предусматривается право на обязательную долю в наследстве, которую вправе получить несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследодателя. Указанные лица наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Закон КНР устанавливает, что соответствующая доля в наследстве может быть выделена, помимо наследников, лицам, которые находились на иждивении наследодателя по причине ограничения трудоспособности или отсутствия источников существования, а также лицам, которые несли основную обязанность по содержанию наследодателя. В завещании должна быть предусмотрена необходимая доля наследства для наследников, ограниченно трудоспособных или не имеющих источников существования. Таким образом, институт обязательной доли существует в наследственном праве как России, так и Китая.

Законодательство обоих государств предусматривает охрану интересов зачатого, но не родившегося к моменту открытия наследства ребенка. Так, ст. 28 Закона КНР устанавливает, что при разделе наследства должна быть предусмотрена доля еще не родившегося ребенка. В случае смерти ребенка после рождения эта доля наследуется по закону.

Ст. 1166 ГК РФ определяет, что до момента рождения зачатого наследника раздел наследства не осуществляется. Таким образом, охрана интересов ребенка в Китае реализуется посредством выделения доли еще не родившегося ребенка, а в России приостановления раздела наследства до момента рождения ребенка.

Таким образом, рассмотренные нормы наследственного права России и Китая имеют общие черты, что, однако, не исключает специфики. Для Российской Федерации характерно более детальное правовое регулирование наследственных отношений, а Закон «О наследовании» Китайской Народной Республики более лаконичен.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Бажанов Е.П. Роль Китая в мире и политика России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 2 (16). – С. 6-17.
2. Косарева И. Краткая характеристика наследственного права Китая // Вестник ХГАЭП. – 2008 – № 1 (34). – С. 58- 65.
3. СУ РСФСР. – 1918. – № 34. – Ст. 456.

Цыбенов Базар Догсонович, канд. ист. наук, доцент
Отдел истории и культуры Центральной Азии
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
bazar75@mail.ru

РАЗВИТИЕ ДАУРСКОГО РАЙОНА МОРИН-ДАВА В 1950-1953 ГГ.

УДК 94 (518)

Аннотация. В публикации рассматриваются некоторые вопросы политического развития даурского района Морин-Дава. Особое внимание уделено оказанию районным населением материальной и финансовой помощи китайским народным добровольцам, участвовавшим в Корейской войне 1950-1953 гг.

Ключевые слова и фразы: дауры, КНР, материальная помощь, Корейская война.

Bazar Tsybenov, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
bazar75@mail.ru

DEVELOPMENT OF DAUR DISTRICT MORIN-DAVA IN 1950-1953

Abstract. The article examines some issues of the political development of Daur district Morin-Dawa. The author also studies the material and financial aid to Chinese volunteers who participated in the Korean War of 1950-1953.

Key words and phrases: daur, China, CPC, material aid, Korean War.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

Одним из районов компактного проживания дауров является территория Бутхи, в западной части которой во второй половине XX в. был создан район Морин-Дава. Название «Морин-Дава» восходит к одноименному перевалу, расположенному в гористой местности. Именно здесь в конце 20-х гг. XX в. даурское ополчение впервые дало вооруженный отпор китайским милитаристам. После образования КНР в октябре 1949 г. в районе Морин-Дава, как и в других регионах Северо-Востока Китая, проходила аграрная реформа. С началом войны на Корейском полуострове население района активно включилось в движение помощи китайским народным добровольцам. В настоящей работе мы решили кратко осветить вопросы оказания помощи китайским народным добровольцам и общественно-политического развития данного района в период с 1950 по 1953 гг. Основой для написания статьи послужили две монографии даурских исследователей: «Обзорное даурское автономное хошуна Морин-Дава» под редакцией Мэн Чжидуна (1988) и «Описание даурского автономного хошуна Морин-Дава» под редакцией Телинга (1998). В работе использованы также и материалы отечественных историков.

В 1950-1953 гг. район Морин-Дава переживал те же трудности, что и другие регионы Северо-Востока Китая. Острой проблемой была нехватка кадровых работников, образованных специалистов. Поэтому часть передовой даурской молодежи была направлена на учебу в школу подготовки государственных служащих провинции Нэньцзян и другие образовательные учреждения региона. Тем самым было положено начало подготовке национальных кад-

ров из числа представителей даурской национальности [6]. Продолжалось укрепление органов народной власти, в январе 1950 г. был создан рабочий комитет района. В феврале 1950 г. состоялось собрание народных представителей района, на котором присутствовал 201 чел. На этом собрании с кратким отчетом о проделанной работе района за четыре года выступил секретарь районного комитета КПК Ачлалту. На нем было также принято постановление о дальнейшем развитии сельскохозяйственного и лесного производства, укрепления экономики, увеличении доходов населения и поддержке промышленности. Усиливала свои позиции КПК, в конце 1950 г. во всем районе рассчитывалось 11 партийных комитетов, 64 партийные ячейки и 898 членов КПК. В октябре 1950 г. в КНР проходило празднование первой годовщины образования КНР. В торжественных мероприятиях государственного масштаба принял участие и представитель дауров, ученый и каллиграф Мэн Сишунь. В частности, он присутствовал на встречах с руководством страны, включая Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Лю Шаоци; посетил промышленные предприятия, учебные заведения и достопримечательности Пекина [11, с. 38]. Октябрь 1950 г. вошел в историю КНР не только в связи с празднованием годовщины образования КНР. На совещании ЦК КПК 4-5 октября 1950 г. было принято решение об отправке в Корею китайских частей. 8 октября 1950 г. Мао Цзэдун отдал приказ о создании Корпуса китайских народных добровольцев [8, с. 23]. Китайское руководство было вынуждено форсировать события, поскольку командующий войсками ООН генерал Макартур предложил американскому правительству перенести военные действия на территорию КНР и начать бомбардировку объектов в Маньчжурии [4, с. 212]. С другой стороны, определенную роль, вероятно, играл фактор корейских коммунистов, воевавших за Мао Цзэдуна в годы гражданской войны в Китае. Известно, что они в количественном отношении приравнивались к трем полноценным дивизиям и сыграли важную роль в начале Корейской войны [1, с. 102]. 4 ноября 1950 г. КПК распространило следующее воззвание народу: «Выполним священный долг по защите Родины, оказывая помощь Корее и сопротивление США» [9, с. 69]. Тогда же, в ноябре 1950 г. в соответствии с «Положением о создании народного ополчения» было создано народное ополчение района Морин-Дава. Командиром ополчения стал Мэн Линьюань [11, с. 38]. Неизвестно, принимало ли указанное ополчение участие в боевых действиях на Корейском полуострове, поскольку в тексте изучаемых нами монографий сведений о боевом пути ополчения не имеется. Следует заметить, что к этому времени в даурских землях проживали небольшие группы корейского населения. Например, в 1943 г. в с. Чжабуха, где жили цицикарские дауры, обосновались 13 корейских крестьян, нанятых японцами для поднятия целины [10, с. 35]. В целом, районный комитет КПК и органы народной власти района Морин-Дава активно включились в дело помощи Корее (в трактовке даурских исследователей как «Корея», без деления на КНДР и Республику Корея – *авт.*), защиты достижений революции, вновь созданной народной власти. В районе Морин-Дава неоднократно проводились народные собрания, на которых осуждались агрессивные действия США по отношению к Корее и КНР. На этих собраниях рассматривались также вопросы повышения производительности труда, предупреждения и пресечения возможной разведывательной деятельности иностранных государств; организации сбора материальной и финансовой помощи Корее, оказывающей сопротивление США. В частности, вопрос о сборе помощи для китайских народных добровольцев был поднят партийным секретарем Ачлалту на II съезде районного комитета КПК (25-30 декабря 1951 г.). В годы Корейской войны население района Морин-Дава на свои средства приобрело самолет и артиллерийское оружие. Из 5 млн. 700 тыс. юаней, собранных в северо-восточном регионе (вероятно, речь идет о провинции Нэньцзян – *авт.*), 1 млн. 200 тыс. юаней были собраны даурским населением. Кроме того, дауры подарили 8 тыс. кур и 10 тыс. пар солдатской обуви [9, с. 69-70]. В целом, в КНР населением было собрано 572,24 млн. юаней. Несмотря на то, что район Морин-Дава географически расположен на достаточно большом удалении от театра боевых действий на Корейском полуострове, в марте 1952 г. он подвергся бактериологическому удару со стороны вражеской авиации. Так, по данным даурского исследователя Телинга, 19 марта 1952 г. американский самолет сбросил бомбу с бактериологическим оружием в местности Хангуэр (территория сельского

поселения Номин), к западу от р. Номин. Аналогичные бомбы были сброшены вечером 27 марта в гористом районе Босин, 29 марта 1952 г. – в местностях Чжиньэхэ и Сянтюань. Отмечается, что местные органы власти ввели чрезвычайное положение и провели работы по дезинфекции зараженной территории [11, с. 39]. Можно согласиться с тем, что автор описывает реальные события, имевшие место в современной истории района Морин-Дава. Очевидно, силы ООН под командованием США нанесли этот бактериологический удар в вышеуказанных местностях. По мнению специалистов, на территории Северной Кореи и Северо-Восточного Китая американцы вели настоящую бактериологическую войну. Поначалу задуманная как тайная, она быстро стала явной из-за противоречий и ошибок между различными военными организациями. Так, бактериологическому нападению подверглись также несколько деревень провинции Хэйлунцзян, где утром 5 апреля 1952 г. на крышах домов и во дворах жителями были обнаружены мертвые и полумертвые полевки [5]. В целом, этот аспект Корейской войны, затронувший даурские земли, подлежит дальнейшему тщательному изучению. Ныне мы лишь констатируем факт применения бактериологического оружия силами ООН в районе Морин-Дава в марте 1952 г., что относится к малоизвестным эпизодам Корейской войны.

В 1950-1953 гг. в районе продолжалось выявление и осуждение контрреволюционных элементов. В апреле 1951 г. по всей территории района Морин-Дава борьба с контрреволюционным движением развернулась с новой силой [11]. О количестве осужденных у нас нет данных. По всей видимости, таковых имелось немало. 20 мая 1951 г. в КНР было принято «Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность», предусматривавшее различные наказания за политические преступления. В октябре 1951 г. в стране было рассмотрено 800 тыс. дел «контрреволюционеров» [2, с. 37]. Вместе с тем в этот период появляются новые отделы в органах народной власти. Так, в 1951 г. был основан народный комитет по контролю и надзору. Появились отдел по делам граждан, филиал народного банка, филиал спортивного общества Внутренней Монголии. Созданные в 1948-1950 гг. временные и постоянные группы трудовой взаимопомощи преобразовываются в крестьянские кооперативы. В 1953 г. было создано 2028 кооперативов, появилось также 11 сельскохозяйственных кооперативов низшего типа [7, с. 117]. Техническая база кооперативов была очень слабой. В этот период появились кредитные кооперативы [3, с. 106-107]. Так, в 1953 г. в с. Фуминь района Морин-Дава был создан кредитный кооператив, один из двух кооперативов в пределах провинции [11, с. 40].

Определенные сдвиги произошли и в национальном вопросе. В августе 1952 г. китайское правительство пригласило представителей малочисленных народностей и разъяснило им необходимость создания национальных автономий. Тогда же, в августе 1952 г. была организована поездка в район Морин-Дава исследовательской группы для определения этнической принадлежности дауров [7, с. 119]. Так было положено начало официальному признанию даурской народности Китая и созданию в 1958 г. даурского автономного хошуна Морин-Дава.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Асмолов К.В. КНР и государства Корейского полуострова // КНДР и РК – 70 лет. – М.: Изд-во ФГБУН ИДВ РАН, 2018. – С. 101-115.
2. Бондарева В.В. Китай в первое послереволюционное десятилетие (1950-е гг.): основные проблемы и противоречия // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 9 (99). – С. 36-41.
3. Крушанов А.И., Ковалев Е.Ф. История Северо-Восточного Китая XVII-XX вв. Книга 2. Северо-Восточный Китай. 1917-1945 гг. – Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1989. – 350 с.

4. Солин Д.В. Корейский вопрос в международных отношениях (в период с 1945 по 1953 гг.) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2010. – № 581. – С. 205-216.
5. Супотницкий М.В. Корейская бактериологическая война. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supotnitskiy.ru/stat/stat7.html> (Дата обращения: 24.02.2019)
6. Цыбенков Б.Д. Подготовка даурских национальных кадров (1946-1982 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VIII международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21-28 мая 2018 г.). Вып. 8. / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 190-193.
7. Цыбенков Б.Д., Юй Шан. История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945-1958 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2017. – Т. 22. – С. 113-123.
8. Шин В.А. Политика КНР в отношении корейских государств (1949-1997 гг.): автореф. дисс.... канд. ист. наук. – М., 1998. – 33 с.
9. Morindabaᠭa daᠭur ündüsüten-ü öbürtegen jasaqu qošiᠶun-u toyimu bayidal [Обозрение даурского автономного хошуна Морин-Дава] / naᠶiraᠭulun bičikü duᠭuyilang naᠶiraᠭulba. Jamsu, Bürinsayin orčiᠶulba. Erdenijab orčiᠶulᠶa-yi qinaba [коллектив авторов]. - Kükęqota: Öbür Mongᠭol-un arad-un keblel-ün qoriᠶu-a, 1988. – 269 с. (на старомонгольской письменности)
10. Qiqihaer Meilisi dawoerzu qu zhi [Описание даурского национального района Мэйлисы Цицикара] / Meilisi dawoerzu qu zhi bian zuan weiyuanhui bian. Hefei: Huang chubanshe, 1999. 696 с. (на кит. яз.)
11. Tielinga. Molidawa dawuerzu zizhi ti zhi [Описание даурского автономного хошуна Морин-Дава]. – Huhehaote: Neimenggu renmin chubanshe, 1998. – 1149 с. (на кит. яз.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И КНР

Арчаков Михаил Константинович РЕСУРСНАЯ БАЗА ИСЛАМСКИХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ДЕЙСТВУЮЩИХ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ КИТАЯ..	5
Ахмадова Марьям Абдурахмановна ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ: ОПЫТ КИТАЯ И РОССИИ.....	9
Баранов Артур Валентинович ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 2000-е гг.....	20
Кабанова Виктория Олеговна, Зайцева Татьяна Анатольевна СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	26
Разумов Егор Александрович КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ВОЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.....	30
Тарарышкина Ирина Сергеевна К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ И КИТАЕ.....	35
Цыбенев Базар Догсонович РАЗВИТИЕ ДАУРСКОГО РАЙОНА МОРИН-ДАВА В 1950-1953 гг.....	39

РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА:
Материалы IX международной
научно-практической конференции
(Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20–28 мая 2019 г.)

Выпуск 9

Часть 4

Ответственный редактор: А.В. Баранов

Редактор – Е.Д. Кузнецова, Д.В. Кузнецов

Дизайн обложки – Д. Железняк

Лицензия ЛР № 040326 от 19.XII.1997 г.

Подписано к печати 15.05.2017

Формат бумаги 60x84 1/8

Бумага тип. № 1

Уч. - изд. л. ...

Тираж 100 экз.

Заказ № ...

Издательство Благовещенского государственного педагогического университета.
Типография БГПУ. 675000, Амурская обл., г. Благовещенск,
ул. Ленина, 104

